

ЕВСЕНИЯ МЕДВЕДЕВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Слепая любовь

ИЛИ БЫВШИЕ ДРУЗЬЯ

Наследники

Евсения Медведева

**Слепая любовь или
Бывшие друзья**

«Автор»

2026

Медведева Е.

Слепая любовь или Бывшие друзья / Е. Медведева — «Автор»,
2026 — (Наследники)

Дружба длиной в двадцать лет или слепая зона любви? Алёна Кушнир и Артём Князев дружили, сколько себя помнили. Общее детство, семейные посиделки, спортшкола, а теперь и работа в хоккейном клубе «Дьяволы». «Счастливики» — завистливо шептали им вслед. Но даже у идеальной дружбы нашлась своя слепая зона. Одна игра в «бутылочку». Один неудачный фант. Одно «слабо». Шутка? Игра? Но стало началом конца! Теперь каждый взгляд — ожог. А надежная дружба стала капканом! Жизнь очень быстро догнала их жестоким уроком. Что страшнее — рискнуть двадцатью годами дружбы ради любви или всю жизнь искать друг друга в чужих объятиях? И готовы ли они потерять того, кто давно стал домом. — Я всех мужиков сравниваю с тобой, Артём. Всех! А ты меняешь женщин, как перчатки. Мы двадцать лет портим друг другу жизнь! — И что ты предлагаешь? — Остановиться. Пока ещё есть что спасти

Содержание

От автора:	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	41
Глава 10	47
Глава 11	53
Глава 12	59
Глава 13	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Евсения Медведева

Слепая любовь или Бывшие друзья

От автора:

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ | СТРОГО 18+

Все герои и события вымышлены, совпадения случайны! Книга может содержать сцены насилия, откровенные сексуальные описания и ненормативную лексику.

Персонажи далеки от идеала, но с идеальными было бы скучно!

Курение и употребление алкоголя вредят здоровью.

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Приятного чтения!

Глава 1

— А теперь играем в развратную «бутылочку»!

Ну чем могла закончиться встреча выпускников спортивной школы?

Правильно... Давно забытой, провокационной игрой, словно мы до сих пор шальные подростки, а не взрослые дяди и тети с ипотеками и хроническими болями от бывших спортивных травм.

От неожиданности я чуть не поперхнулся и отставил стакан минералки, которую цедил весь вечер. В машинальном жесте крутанул головой, отыскивая единственного человека, способного понять меня без слов.

Моя лучшая подруга... Девчонка, с которой прошло все мое детство – Алена Кушнир. Или, как её ласково называют многие – Алёша.

Так вот сейчас источник вечного хаоса в моей размеренной жизни потрянула белокурой гривой, звонко рассмеялась и игриво подмигнула. Она чуть прикрыла лицо ладошкой, чтобы никто не увидел, и одними губами произнесла: *«Видишь, как весело? А ты ехать не хотел!»*.

— Оборжаться... — ответил я таким же образом и все же закатил глаза, чем вызвал новый залп её хохота.

После призыва по толпе прокатилась волна пьяного восторга. А я до сих пор надеялся, что кто-то выкрикнет: *«Шутка»*. Но чуда не случилось...

Я не без улыбки наблюдал за рокотом оживления, заметил и знакомый азартный блеск в глазах, и хаотичное мельтешение по залу загородного дома, где и собралось, по меньшей мере, три десятка выпускников. Большая половина, почуяв, что запахло жареным, тихо свалила на террасу, чтобы не попасть под удар.

И ведь взрослые уже все... У кого-то уже седина бьется в поредевших вихрах, а все веселья им подавай.

Чёрт подери, как же безжалостно время... От тех молодых, дерзких и бесстрашных остались лишь милые прозвища, приклеившиеся навсегда. А когда-то нас связывали мечты и грандиозные планы на спортивное будущее. Все поголовно хотели стать хоккеистами, биатлонистами, фигуристами и прочими «истами».

Но оказалось, что большой спорт куда безжалостнее, чем взрослая жизнь.

И в итоге...

В итоге вокруг невысокого кофейного столика собрались все те же «исты», за исключением тонкости формулировок.

Финансисты, юристы, баристы... с редким вкраплением тех, кого спорт не отсеял через мелкое сито и не налепил клеймо неудачника.

— В бутылочку!!! — заорал обросший жирком Пашка Лужников и поправил очки.

Он с азартом стянул галстук, распустил тугой ворот рубашки и рухнул на ковёр, с жадностью потирая руки. И вдруг обернулся ко мне.

— Князев! Только не вздумай опять слинять... Парни, а ну держите его! — Лужников взмахнул рукой, и в этот миг на мои плечи опустились тяжелые ладони моих бывших сокомандников по хоккею.

— Не сбежишь, — заколыхался сиплым смехом Жора Луговой. — Впервые за восемь лет удалось собраться, а ты опять решил сбежать? Нет, Князев... Ты, как капитан нашей команды...

— Бывший капитан, — я тяжело вздохнул, уже почти смирившись с неминуемой расплатой.

И какого черта я опять не прикинулся больным и занятым? Зачем позволил себя утащить на попойку, гордо именуемую ВСТРЕЧЕЙ выпускников...

И во всем виновата ОНА!

Я снова стрельнул взглядом в Алену, но в этот раз в её глазах понимания обнаружено не было.

— Давай-давай! — Алена аж завизжала от восторга, снова потрянула белокурой гривой и наконец-то отлепилась от своего нового бойфренда. — Князев, тебе и тридцати нет, а ты похож на закаменелого побитого жизнью вдовца! Ну же! Повеселись!

— Алёша... — предостерегающе прошипел я, ещё надеясь, что смогу избежать этой глупой игры.

Но по тому, с какой жадностью Серебrenикова высаживала остатки шампанского прямо из горла, чтобы освободить бутылку, стало ясно, что шанса мне не оставили.

Ладно... Значит, действуем по старой схеме: два круга, доля фарта, и тогда я смогу свалить на хрен отсюда!

С этими мыслями меня и усадили к столу, на котором оперативно расчищали пространство для беспрепятственного скольжения бутылки.

— Ну что Алёша, что? — возмущенно пищала подруга, прыгая вокруг рассеявшихся, даже не скрывая восторга от глупой ситуации. — Князев, ты что, забыл такие слова, как кураж, азарт, риск? Ну что, тебе предлагают татуху на лбу набить? Нет! Просто игра в бутылочку... Ну сделай девочкам приятно! Мы всем спортивным интернатом ставки делали – кого Князев поцелует первой!

— Кушнир, прижмись уже, — закатил глаза Лужников. — Как-то неприятно слышать, что весь интернат грезил о Князеве!

— А на правду, Павлуша, не обижаются, — Аленка огладила пузана по макушке и снова заскакала.

Я попытался перехватить её за руку, чтобы уговорить и заставить не обострять и без того глупую ситуацию, но моя подруженька вырвалась и расхохоталась.

— Да все девки слюной капали на капитана хоккейной команды... Да, девчат?

Я проглотил рвущийся залп мата и с надеждой посмотрел на девчонок, рассаживающихся напротив. Но нет... И в их глазах поддержкой и пониманием даже не пахло. По-па-дос...

Эх... Вот она, плата за принципы. Отец как-то сказал, что гадить там, где живёшь – плохая идея. И я старательно следовал его мудрому совету. Для чего мне в стенах спортшколы скандалы и слухи о том, какой я негодяй? Вот и избегал любых любовных интрижек... И даже получалось!

— А ты чего? — Димка Шишкин вдруг остановил забег Алены и толкнул её на свободное место за столом. — Князева усадила играть, а сама решила сухой из воды выскочить? Думаешь, на тебя слюной не капали? О! Кушнир... Капали! Ещё как капали!

— Дим, это не смешно, — зашипела Алешка и начала выворачиваться, зыря в сторону своего спутника, с которым зачем-то притащилась на встречу.

Вот только её новый бойфренд был уже в крайней степени опьянения. А если уж честно – накидался он в знатные «сопли». Да и вообще, на все происходящее смотрел, как отстраненный зритель.

— Я же с парнем, придурок! — Ленка ударила Димку по макушке и снова попыталась встать, но и эта попытка провалилась.

— А мы его попросим закрыть глаза, — рассмеялся Лужников.

— Эй, Богданов, ты не против? Это же просто игра? — Шишкин расправил свои могучие плечи и с легкой угрозой обернулся к щуплому и захмелевшему бойфренду Кушнир.

Шишкин тоже был «истом»... а точнее – штангистом, потому и пользовался своим богатырским телосложением. Но на самом деле он был великим добряком, поэтому после попыток взять Олимп, ушел в благотворительность.

Мы всей компанией таращились на парня Кушнир, даже сама Алёна обернулась, надеясь, что сейчас он вступится и скажет своё мужское слово.

Но лучше бы мы не смотрели...

Вася? Стёпа? Я уже и забыл, как его зовут. Короче, бойфренд этот вмиг протрезвел и с таким азартом следил за происходящим, даже не пытаясь противиться судьбе.

— Что, Алёша... На куколдов потянуло? — зло усмехнулась Смирнова и прыснула смехом.

— Да заткнись ты! — шикнула Алёна и дернула её за волосы.

Я улыбнулся, но промолчал... Судя по тому, что Алёна даже не попыталась подняться, желания отпираться поубавилось. А её злость за странную реакцию своего парня трансформировалась в решимость и провокацию.

Да я прям слышал её истошный, полный ярости и негодования визг: *«Разрешил? Думаешь, я струшу? Думаешь, не сделаю? Ну, держись...»*.

— А чего мне быть против? Пусть играет, — процедил Богданов и хохотнул.

Алёнка суетливо отбросила светлую прядь от раскрасневшегося лица. На всякий случай в последний раз повернулась к своему кавалеру, но тот даже не пытался остановить бурю.

— Не рой чужому яму, сама в неё угодишь, — воспользовавшись тем, что ребята отвлеклись на написание на салфетках действий, я чуть склонился над столом, чтобы Кушнир не смогла прикинуться глухой.

— Князев, твою мать! — она закатила глаза и зло впиалась ногтями в свои острые коленки. — Ты-то мог меня защитить? Мстишь? Под танк бросил свою лучшую подругу? А я тебе по субботам блины пеку, на хоккейные матчи хожу, от твоего имени в фанатских чатах общаюсь...

— А ты могла меня защитить? — я вернул ей подачу и подмигнул. — Я, вроде как, тоже твои проблемы решаю.

— Князев, я вот сколько живу, столько тебя и знаю, — Алена уперлась руками в столешницу и в ответном агрессивном порыве нависла над столом. — Ты же для меня как брат... А что будет, если бутылочка на тебя укажет? Ты об этом подумал?

— Подумал, — я дернул плечами и вернулся на место, чтобы не провоцировать и без того внимательные взгляды. — Откажусь...

— Никаких отказов! — загрохотал Лужников. — Какие вы брат и сестра? А? Шерочка с Машерочкой! Мы вообще ставки делали, что рано или поздно ваше сексуальное напряжение выльется в крепкую...

— Дружбу, — закончил я за Пашку и махнул кулаком для острастки.

— Ага, щас, — он пьяненько ухмыльнулся, растеряв весь страх. — Да вы так скандалили, что вся спортшкола думала, что у вас любовь.

— Любовь? — икнула Алена и с удивлением осмотрела компанию.

И я последовал её примеру, вот только шок был в том, что ни в одном взгляде я не увидел ни веселья, ни издёвки, ни удивления.

Чёрт подери! Они, и правда, все так считали?

Я тряхнул головой и посмотрел на Кушнир. Алёнка тоже таращилась на меня, будто и вовсе видела впервые.

Нет, она, безусловно, красива... Да, в моей Алёше полно достоинств, а к её недостаткам у меня ещё во втором классе выработался иммунитет. И, признаться, я никогда не примерял для неё какой-либо иной статус.

Наши мамы дружили, мы дружили, наши отцы тоже дружили!

Бр-р-р... даже и думать о ней в другом свете не могу. Нет... Ну точно нет!

— Меня сейчас стошнит, — заскулила она и снова попыталась выскочить из круга, но Смирнова вцепилась в руку бывшей подруги, не позволяя сойти с дистанции.

К тому же в этот момент на столе как раз появились бутылочка и неаккуратная стопка салфеток с похабными действиями, которые следовало выполнить тем, на кого укажет донышко и горло.

— Сама виновата. Со своим самоваром на встречу выпускников не ходят, — зло процедила Смирнова. — К тому же смотри, как твой Богданов лыбится... Так и ждёт, чтобы увидеть, как его девушка сосется с кем-то другим. Ку-колд... Фу, таким быть!

— Больной ублюдок, — тихо прошептал я и растянулся на полу, закидывая ноги под стол. Опрокинулся на локоть, чуть сместился, чтобы не выпускать из вида этого недоделка.

А он определенно недоделок... Ну кто в здравом уме позволит своей женщине играть в эту игру? Только больной придурок.

— Мы таких раньше в унитазе мочили, — подхватил мою мысль Лужников, тоже не сводя глаз с парня. — И почему Кушнир всегда несет на конченных козлов? Девка – мечта! Такие в порносы приходят, чтобы мужик сдох от ночной эякуляции. А за ней вечно дебилы таскаются.

— Гармония природы? — я дернул плечом и оторвал взгляд от подонка, имени которого так и не вспомнил.

За столом уже вовсю шла игра. Я сначала лениво наблюдал за всем происходящим, а через несколько минут расслабился, утонув в ностальгии.

Нас всех объединяла спортшкола... Да мы друг друга видели чаще, чем родителей. Жили в общежитии, расставались лишь по выходным, а дважды в год и вовсе уезжали на длительные сборы. Разные дисциплины, тренеры, нагрузки, трудности... А все равно по кругу и на соревнованиях поддерживали, и прикрывали, если нужно было. Мы когда-то были одной большой семьёй.

Правда, столько лет уже прошло... Но чувство единения никуда не делось.

И в памяти ещё свежи те деревянные домики на базе спортивного лагеря, в щелях которых жили осы, а по ночам выбегали мышки. Не было там телевизоров, а интернет ловил так плохо, что можно было считать, что и его тоже нет.

И чем мы, подростки, развлекались? Ага... именно этим.

С утра летаешь на люлях от тренера, вывозишь тройную нагрузку, а вечером без сил падаешь на скрипучую кровать и слушаешь, как такой же обессиленный друг тихонько наигрывает на гитарке под треск костра. Ну чем не романтика? И как в этой обстановке не породниться?

— Иди сюда, Смирнова! — с готовностью вскочил Лужников и потянул к своей некогда бывшей девушке руки. — Сказано снять лифчик без рук? Так я его с тебя, моя куртизанка, губами стяну...

По домику скакали залпы хохота. Мы все валялись вповалку, наблюдая, как Пашка носится за Смирновой, и так хорошо стало!

Чёрт подери, может, в этих сборищах и нет ничего такого? Может, зря я отлынивал, лишая себя радости побыть среди до ужаса родных и знакомых?

А как можно не быть родными, если на весь лагерь была всего одна душевая?

— Готово! — хрипло прорычал Лужников, роняя на стол розовенький гипюровый бюстик Нельки Смирновой.

— Так! Следующий лот, — Шишкин стер слезы от дикого хохота и вынул из стопки салфетку, затем развернул и раздосадованно протянул: — Поцелуй... Слушайте, ну это несерьёзно. Кто додумался написать? После стриптиза, лифчика и имитации секса мы будем лицемерить засос?

— С языком, — смущенно протянула Катя Кошкина и поправила очки. — Там написано... с языком.

— Точно! — заржал Шишкин, до конца разворачивая салфетку, а после нагнулся и чмокнул нашу скромницу в макушку. — Вот знал я, что ты та ещё порнушница, Кошкина... Она написала, с языком!

Несмотря на пикантное уточнение, лишаящее вариации с братским засосом, по залу пробежал недовольный гул. Малая ставка... После предшествующих представлений наблюдать за поцелуем было явно неинтересно.

В кармане брякнул телефон, я лениво выудил его, вчитываясь в сообщение от друга, Ильи Лютаева. И уже было занес палец, чтобы ответить, как вдруг осознал, что что-то не так...

В комнате повисла тяжелая тишина... Я услышал треск дров в камине, тяжесть дыхания парней, сидевших рядом. И стоило поднять глаза, как тут же напоролся на животный ужас... или отвращение в глазах своей лучшей подруги.

Долбаная бутылка застыла между мной и Алёной. Чётко так, неоспоримо... Ни градусом влево или вправо.

— Не смешно, — прыснул я и вновь вернулся к телефону, делая вид, что даже не собираюсь вестись на эту провокацию.

Но если с внешним спокойствием я справился, то с внутренней бурей было куда сложнее. Кровь бухала, лупя по ушам, сердце явно решило разломать грудную клетку. Какого черта я вообще согласился? Рассчитывал, что пронесет?

— Ну, всё, поиграли, и хватит, — нервно хохотнула Алена и попыталась подняться, но её, естественно, никто не отпустил.

— Ну, хорош... Ребят! — хлопнул в ладоши Курков. — Вы всю жизнь дружите, и что, ни разу не сосались? Даже в целях расширения анатомического кругозора?

— НЕТ! — хором выдали мы с Алёной.

— Что, и даже первый нелепый и даже порой позорный сексуальный опыт провели не вместе? — охнул Дмитрук.

— НЕТ!!! — снова в голос ответили мы.

— Поздравляем, — пьяненько протянула Смирнова и качнула своим розовым лифчиком, как флагом капитуляции. — Сейчас и попробуете. А вдруг понравится?

Я смотрел в лицо своей подруги и видел настолько живой ужас, что мне стало её жаль. Убрал телефон, поднялся с пола и, быстро осмотрев компанию, нагнулся над столом и крутанул бутылочку так, чтобы она указывала на меня и на Кошкину.

— Технически это не жульничество... — я дернул плечами и растянул губы в улыбке. — Поцелуй будет? Будет... Катя, ты разве против?

— Князев, — зло прошипела Смирнова и вернула бутылку в исходное положение, отчего Алёна вздрогнула. — Правила игры священные... По твоей логике я могла отказаться от ошупываний Лужникова? Да этот гад меня за грудь укусил! Там синяк у соска!

— Это случайно, — Пашка стянул и начал протирать запотевшие очки. — В порыве неконтрольной страсти и преклонения перед твоим идеальным телом. Пловчихи всегда были моей слабостью... Да и мы встречались целый год. Чего я только не делал!

— Да ей слабо, — вдруг подала голос тихая Катя Кошкина, не сводя глаз с Алёны. — Алёшка, ну признайся, и закончим. Скажи: мне, Алёне Кушнир, слабо поцеловать своего лучшего друга Артёма Князева!

— Едрическая сила... — протянул я, буквально чуя, как мой план рассыпается, а Кушнир заливается румянцем ярости.

Был и минус в нашем символическом родстве. Помимо общих душевых, общажных спален и столовской еды, нас объединяло ещё одно – мы все знали слабости друг друга.

И то, что сделала Кошкина... Это запрещенный прием!

Потому что вся спортшкола знала, что Кушнир нельзя брать на слабо...

— Слабо... — протянула Кошкина. — Просто скажи это слово, и мы двинем дальше. — Всего одно слово, и можешь забыть о страстном поцелуе с Князевым!

— Так, стоп! — я махнул рукой, осаживая уже наливающуюся адреналином Алену. — Ребят, ну пошутили, и хватит...

— Да Князеву тоже слабо, — лениво протянул Шишкин и подкинул в воздух пробку от шампанского.

— Хорошая попытка, но мимо, — зло сверкнул взглядом, наблюдая боковым зрением, как Кушнир поднимается на ноги. — Алёна, угомонись хоть ты!

— Да им обоим слабо! — взвизгнула Смирнова.

— Слабо! — раздухарилась наша скромница Катя Кошкина, которая и написала это гребаное желание!

— Слабо! Слабо! Слабо!

— Князев, — дернул меня за руку Лужников. — Да я сколько вас помню, вы и на одной полке в поезде спали, и в одной кровати в гостинице... И жрали вы всю жизнь из одной тарелки! Ваши семьи дружили, на сборы вместе, на игры вместе...

— Так мы вместе лишь потому, что никто из нас никогда не переходил эту черту! — я взмахнул рукой и скрутил здоровяка, в одно мгновение заводя его локоть за спину в болевом приёме. — НИ-КО-ГДА!

— Что, и не фантазировал никогда? — охнул Шишкин, даже не скрывая осуждения.

— Отвали...

— Князев... — вдруг подала голос Алёна, медленно надвигаясь на меня. — Я что... настолько тебе противна, что ты не можешь поцеловать меня?

— Алёшенька, окстись... Ещё не поздно сбежать отсюда, — я продолжал отбиваться от наваливающих мужиков, которые знали, что победить меня можно лишь единым фронтом. — Я беру на себя этих засранцев, а ты через террасу и к машине!

— Князев? — охнула Алена, уже присаживаясь на колени рядом со мной. И в её глазах полыхало удивление. — Что? Всё настолько плохо? Ты готов устроить драку, лишь бы не сунуть свой язык мне в рот?

— Кушнир, прекрати! — я хохотал, с легкостью раскидывая своих бывших сокомандников.

А когда они взяли перерыв, чтобы отдышаться, я дернулся и наклонился к ошарашенной Алене почти нос в нос.

— Я так противна?

— Я слишком много о тебе знаю!

— Так это взаимно, Князев, — зло процедила она.

— Это я таскаю тебе шоколад, когда к тебе приезжают «гости из Краснодара». Это я доедаю персики, которые ты отбраковываешь. Это я чищу арбузные косточки, потому что ты в детстве подавилась и теперь боишься...

— Боже, как это мило, — всхлипнула Смирнова и уткнулась в плечо Кошкиной, которая тоже сидела с ошалелым видом.

— В эту игру я тоже умею играть. Это я накладываю компрессы после твоих боев. Это я отслеживаю твой график обследований, это я всю жизнь играла твою девушку, когда тебе нужно было отделаться от очередной влюблённой липучки! — шептала Алёна.

— Замолчи, — шикнул я, все же пытаюсь привести в чувства эту азартную засранку. — Мы ещё можем уйти...

— Нет, Князев. Я никогда не проигрываю!

Алена дернулась, и расстояние между нами сократилось ещё на пару сантиметров... И вот уже носы касались друг друга, а по губам скользило теплое дыхание.

— Поэтому сейчас ты засунешь своё отвращение в задницу и поцелуешь меня так, чтобы эти засранцы заткнулись!

Она замолчала, нервно облизала губы, но так неаккуратно, что теплый язык коснулся моей нижней губы... И вдруг знакомое тепло заструилось тонким ручейком от затылка и вниз по позвоночнику.

Резкий выдох, и жаром опалило лицо... Смотрел в её голубые глаза и искал в них сомнение, или хотя бы надежду на то, что эту катастрофу ещё можно остановить.

Но, кажется, было слишком поздно.

То ли дурь приобрела острую респираторную форму, то ли это сыграли усталость и желание поскорее закончить эту встречу...

Но я медленно повернул голову, меняя угол наклона.

Давал ей время одуматься, а заодно следил за её парнем. Вот только на его лице отпечатався такой восторг, что желание наказать болвана стало непреодолимым. Во всяком случае, это было достаточной причиной, чтобы переступить черту, которую мы держали больше двадцати лет.

Толкнулся вперед и сразу впился в её губы. Алёна, несмотря на её решимость и бойкость, была зажата, скованна и едва подрагивала, но лишь до тех пор, пока я не обнял.

Знакомое, привычное и почти автоматическое движение вдруг возымело совершенно другой эффект... Ладонью ощутил и угловатость её плечиков, и мягкую шероховатость кожи от танцующих мурашек... Зарылся в волосы, накрывая затылок, впился пальцами и потянул её на себя, усугубляя то, чего мы могли избежать... и избегали. Очень долго...

Алёна ахнула, зубы разомкнулись, и наши языки встретились. А дальше... Сработали инстинкты. Я ощутил сладость её любимого «беллини», аромат персика заполнил все рецепторы, запуская какую-то бесконтрольную химическую реакцию.

Алёна не сопротивлялась... Я вжимал её в себя с какой-то пугающей силой, а она подавалась навстречу, передавая суетливое биение сердца.

Но и мой кровотокающий орган наращивал частоту, пульс уже лупил, как чокнутый, отдаваясь где-то в мозгу очередью коротких импульсов. А когда её холодные нежные пальчики пробежались по скуле, устремляясь к затылку, я чуть не застонал...

Алена всё поняла, дёрнулась и мягко сжала зубами мой язык, оставляя легкое послевкусие боли, которое будет сложно забыть.

— УРРРА!!! — заухало вокруг нас залпом фейерверков.

Я ощутил мягкий и прощальный толчок языка, выпроваживающего незваного гостя. И ничего не оставалось, как покинуть влажное убежище, забирая сладость персика на кончике языка.

Мы одновременно вдохнули, но рук не убрали ни она, ни я...

— Выпроводи этого ублюдка, чтобы глаза мои его не видели, — зло процедила Кушнир мне на ухо и тихо всхлипнула.

— Это я с радостью... Это я прямо сейчас сделаю, Алешенька, — расхохотался я, рывком поднялся, чуть придерживая подругу, чтобы не упала. Усадил её на своё место, а затем двинул на горе-бойфренда, наблюдающего за происходящим с каким-то благоговением.

Поймав мой настрой, за спиной выросли родные и знакомые здоровяки, словно мне нужна была поддержка. Но с этим дохляком я мог справиться, даже не просыпаясь.

— Выпил? Отдохнул? А теперь на выход, — зло процедил я в стремительно искажающееся ужасом лицо... Валеры.

Точно! Валера... Вот прямо вылитый Валера!

— Э! Руки убрал! — захрипел придурок и попытался вырваться.

— Такси уже подъехало, — довольно оскалился Шишкин. — Ты, козёл, спасибо скажи, что живым отпускаем... А то на куколдов у нас общая аллергия, руки так и тянутся хребет сломать.

— Вот-вот, — я с легкостью сдернул его с кресла и потащил к выходу, по пути сгребая с комода его вещи. — И чтобы я возле Кушнир тебя, ублюдка, больше не видел!

— Что, Князев, дорогу себе расчищаешь? — пьяно хохотнул Богданов, впрыгивая в кроссовки. — А ведь мне говорили, что ваша дружба – это хрень. А я не верил! А сегодня убедился...

— Ну, я рад за тебя, — толкнул дверь и, не удержавшись, выбросил на улицу этого ушлепка. — На такси денег дать?

— Да пошёл ты...

Закрыв дверь, я долго стоял, наблюдая за тем, как Валера подходит к такси и сражается с неподдающейся дверью. И выдохнул, лишь когда в сумерках полыхнули стоп-сигналы.

Обернулся и сразу нашёл в толпе красные, заплаканные от обиды глаза своей лучшей подруги. Она улыбалась, держалась, а её губы, которые я только что целовал, подрагивали в безмолвном: «Спасибо...».

Глава 2

Желание выпить пульсировало в крови, борясь с ворохом дел, которые я отложил на вечер. Изначально я не планировал оставаться с ночёвкой, заложив максимум четыре часа для ностальгических воспоминаний.

Но что-то прошло не так...

Бросил взгляд в зал, где Алёна уже со свойственной ей полной отдачей изображала тигрицу, выполняя новый фант в этой идиотской игре.

Вокруг неё всегда шумно, весело и тепло... Люди к ней тянулись, как ростки к солнцу. И, несмотря на все её достоинства, за двадцать с лишним лет нашей дружбы я так и не смог одобрить ни одного претендента на её сердце.

Все идиотами и мерзавцами были.

А может, мне так казалось?

В кармане джинсов надрывался телефон, и я знал, что меня ждут... Но ещё я знал, что оставить её одну уже не смогу.

— Выпей, брат, — Шишкин вышел из кухни и протянул мне стакан джина. — А ты взрослеешь... Ещё лет семь назад ты бы её ухажёра без зубов оставил сразу после его выходки. Тот, кто обидел «княжну» Князева, часто бегает к стоматологу — прописная истина. А этот вообще бессмертным оказался...

— Взрослею? — я расхохотался и припал спиной к перилам лестницы на второй этаж. — Старее, скорее... Вера в человечество ещё теплится. Вот и козлу этому шанс давал на исправление. А ты, я смотрю, не так наивен, и веру давно потерял, раз сразу такси вызвал?

— Князев, я просто слишком хорошо тебя знаю, — Шишкин хлопнул меня по плечу и потянул обратно к компании. — Его участь была predetermined всего одним неверным решением. Ты бы сам уехал, и Кушнир бы увез... Лучше уж козла восвояси отправить. Так в чем я ошибся?

— Ни в чем, — прошептал я, погружаясь в шум, крики и такой родной хаос.

Мне даже не нужно было смотреть на Алену, чтобы ощущать тайфун разносящих её эмоций. Она могла улыбаться, хохотать или стрелять миллионом шуток, но грусть сочилась в её голосе липкой смолой.

Так это странно... Знать человека на уровне ощущений. Но ещё более странно слышать другую версию твоей правды.

Да, мы всегда ютились в одном купе, зачастую спали в одном номере. Да, что греха таить, мы и в отпуск частенько срывались вдвоём.

Но никогда... мы не переступали черту, за которой таилась неизвестность.

Дьявол... Я так привык к её присутствию в своей жизни. Она была для меня чем-то родным, понятным, неотделимым.

Знал, что утром увижу от неё сообщение с миллионом глупых смайликов, днём получу длинное голосовое сообщение, а вечером мы непременно пересечемся в городе. Пусть две минуты... Но это обязательно. А ещё... Я не смог вспомнить ни одного семейного праздника, на котором не слышал бы её голоса.

И от осознания, что какой-то глупый, совершенно детский спор заставил нас нарушить то, что мы оберегали так долго, просто убивал!

Но ведь я мог остановить это дерьмо? Мог...

Но отчего-то не стал.

Да после призыва к игре я уже знал, что Алеша подкинется, потому что она никогда не пропускала веселье. Потому что она и есть это самое веселье! И, тем не менее, довёл ситуацию до катастрофы.

Болван... Идиот!

Я со злостью опустошил бокал, но из-за спины вырос Шишкин и обновил порцию напитка забвения. Засранец... и провокатор. Да и сам я хорош... Во что решил поиграть? А главное – с кем?

То, что я оказался прав, стало понятно сразу... Стоило опуститься на пол рядом с Аленой, как мне передалось её напряжение, явно не связанное с Валерой. Не будь этого поцелуя, моя Алёша бы уткнулась носом в моё плечо и отвесила пошлую шуточку про бабу, кобылу и полегчавший воз.

Но сейчас она четко и даже демонстративно выдерживала дистанцию... А значит, сказанные друзьями слова посеяли смуту в мыслях. И она не одна в этом чувстве.

И у меня было два варианта: подыграть ей или всё же попытаться взять этот хаос под контроль. Подыгрывать – дорога в ад. Значит, придётся возглавлять войско.

Руки не слушались, но я пересилил себя и сделал то, что делал тысячи раз: обнял Алену за плечи, притянул к себе, получив резкий выдох облегчения.

Чёртова игра...

К моему удивлению, чем дольше мы сидели, тем больше появлялось тем для разговора. Самые слабые расходились по комнатам, кто-то укладывался спать прямо на диванах. А мы, своим узким кругом, продолжали то впадать в ностальгию по бурному прошлому, то возвращались к игре, благо самые отвратительные лоты уже сыграли... И остались лишь вопросы и невинные действия.

— Только Кушнир с принцами не везет, — протянул Шишкин, смахивая гору смятых салфеток с выполненными заданиями. — Алёша, ты решила остаться старой девой? Что за клоуна ты привела? Нормальных мужиков, что ли, нет?

— А как ей нормального найти? — икнула Нелька Смирнова и скривилась в хитрой улыбке. — Если каждый день перед её глазами маячит идеал. Сложно нашей княжне найти кого-то, способного затмить Князева.

Кушнир хохотнула и подняла на меня свои голубые глаза... И вдруг в них не осталось ни капли веселья, скорее холодный интерес и любопытство. Алена смотрела на меня каждый день, но этот взгляд был иным...

— Алёша, отвернись, — в шутку шепнул я. — Это я принц идеальный лишь при поверхностном осмотре. А ты так щуришься, что и до гнилого нутра добраться рискуешь.

— Князев, ты бы отпустил девку, — снова заговорила Смирнова, клонясь к плечу Шишкина. — Я понимаю, что вы слились, как близнецы, но это нездорово уже. Сам-то ты помнишь свои отношения длиннее пары месяцев?

— Нель, а ты как была гадюкой, так и осталась?

— Нет, просто имею непреодолимое желание сказать правду.

— И что за правда? — я нарочно болтал, хотя на пьяную глупость отвечать – идиотская затея. Но под пристальным взглядом Алены этот вариант казался не таким уж и плохим.

— А правда в том, что пока вы не отпустите друг друга, то никто из вас отношений не построит, — Неля дернул плечом, а затем опустошила бокал шампанского. — Ты всех баб будешь равнять на Кушнир, а она будет искать князька под стать тебе.

— Ну, рано или поздно кто-то должен превзойти этого идеального брутала? — с надеждой в голосе произнесла Алена.

— Ты ж сама себе ответила, — хмыкнула Светка. — Он для тебя идеал... Вы балластом друг у друга на шее висите. Признаться, я была уверена, что хоть раз да вы должны были дать слабину перед плотским соблазном... Но сегодня прям восхитилась вашей стойкостью.

— Солидарен, — Шишкин отвел глаза, делая вид, что осматривает гостиную, диваны которой уже были завалены телами наших бывших сослуживцев по спортшколе. — Но есть один способ расставить все точки над и... Трахнитесь уже!

— Точно! — Смирнова захлопала в ладоши и рассмеялась. — Тогда вам станет все понятно... Дружба это или афера века, в которой вы убедили всех, а главное – сами поверили.

— Не-е-ет! — с ужасом протянула Алена, будто пьяный бред завистливой Смирновой носил не рекомендательный характер, а приказной.

— Так... Всем отбой, — я перевернул опустевшую бутылку, а затем поднялся, увлекая за собой и Аленку. — Пойдем в люлю, боевичка.

— Князев, и как мы с тобой так долго дружим? — закатила она глаза и хохотнула. — Такой ты правильный и дотошный. Фу — таким быть!

— Гармония природы, — я рассмеялся и подхватил её на руки, а затем перебросил через плечо и двинулся на второй этаж, попутно открывая двери, чтобы найти свободную комнату.

Но мы слишком засиделись, и фортуна успела закемарить, поэтому пришлось довольствоваться односпальной кроватью по соседству с храпящим Лужниковым, который вырубился прямо в одежде.

— Боров! — зло шикнула Алена и в шутку поддела его свисающую руку своей ногой. — Князев, я не усну под его храп...

— Кого ты обманываешь, Кушнир? Две секунды, и ты будешь в отрубе. Хочешь, я тебе спинку почешу? — я вроде все говорил на автомате, и фразы были стандартными, проговоренными миллион раз... Но после случившегося неловкость ощущалась буквально во всем.

Машинально стянул джинсы, футболку и рухнул на кровать, прижимаясь к краю, потому что Алена спит только у стены.

Дьявол... Всего одна ошибка, и все под откос. И как теперь выстраивать это равновесие? Как заново искать баланс?

Пока Алена сутилась со своей одеждой, я устроился поудобнее, подмял подушку и тяжело вздохнул, прислушиваясь к её неуверенным шажкам.

— А они изменились, да? — шепнула Алёша, запрыгивая мне за спину.

Она натянула одеяло, заботливо накрыла меня, затем сама зарылась по самый нос и уткнулась лбом мне в шею, ударяя быстрой очередью выдохов.

— Мы все изменились, — не шевелился, лавируя на самом краю.

И такой приступ страха накатило...

Но страх чего?

Чего мыс ней только не пережили? И ссорились, и дрались, и мирились... Но спустя столько лет все равно вместе. А это дорогого стоит. И тем более безалаберным выглядит наше поведение. Идиоты!

— Прости меня, Тём, — шепнула она и робко, неуверенно заскользила ладошкой по спине, а затем поднырнула под мою руку, принимая привычную позу, и затаилась. — Он, сука, меня так разозлил! Я не имела права требовать этого от тебя...

— Да я тоже хорош, — улыбнулся и перекатился на спину, отдавая в полное распоряжение своё левое плечо. А Аленка аж вздрогнула и с готовностью заерзала, устраиваясь удобнее. — Надо было сразу вынести ему зубы и отпустить с миром.

— Я сегодня со стороны послушала то, что говорили ребята, — робко и неуверенно заговорила Алёша. — Вот вроде правду говорят... А из их уст это выглядит как-то дико. Я же никогда не задумывалась о том, как нас видят со стороны. Всё это неправильно... Князев, а ведь Смирнова права. Я же ничего в этом мире не боюсь, потому что знаю, что мой Князев примчится по первому сигналу и разmozжит каждого моего обидчика.

— Разmozжу, — кивнул я, не открывая глаз.

— А это плохо!

— Ты так решила, потому что группа не умеющих дружить так сказала? — усмехнулся я и усилил хват, прижимая Аленку к себе так, чтобы прекратила ерзать. — Алёша... Это просто поцелуй. И уже завтра мы о нём не вспомним.

— Князев! — она хлопнула меня ладошкой по груди. — Тебе что, настолько не понравилось?

— Я просто настолько не хочу тебя терять...

Глава 3

Алена

Я еле разлепила глаза, несмотря на яркое солнце, прорывающееся через ажурный тюль. Попыталась дернуть рукой, но моё тело было прижато бетонной плитой и опутано крепкими руками.

Потянула носом, вбирая до боли знакомый аромат парфюма. Да я его лично из года в год дарю Артёму. И ведь не приедается... А ещё я сотни раз слышала его на других мужчинах. Но лишь на его коже этот аромат раскрывается как-то особенно: пряная и переспевшая груша, мята, табак и шуршание горячей замши. Тепло, уютно, как горячий мёд, который сложно смыть с кожи. Он прилипает и въедается.

Я чуть отвела глаза и сдержала улыбку. Вот он вечно так спал! Левая рука под моей головой, а длинные пальцы нависают у самого лица, как в кадре из ужастика. А сколько раз я просыпалась и видела этот кошмар? А сколько раз, дернувшись во сне, Князев лупил меня по лицу? Бесконечное множество раз! Но снова и снова мы просыпались вот так.

Вот и сегодня, вроде, все как обычно. Но после вчерашнего все виделось немного иначе.

А виной всему неловкость, стыд и страх... Эти три чувства накатывали разом, оставляя холодную липкую испарину на коже.

Чёрт подери, ну что я за дура?

Что за дьявол меня толкнул в спину? А ведь Артём оттормаживал меня до последнего... Но мне было так важно не уступить!

Хотя кому я вру?

Князев так эмоционально отнекивался от этого поцелуя, что мне до мурашек захотелось получить этот запретный плод.

Идиотка! Боже, Кушнир, ты такая идиотка! Без тормозов, мозгов и способности остановиться на красном сигнале светофора. А ведь не подросток уже! Пора бы начать пользоваться головой по назначению.

Я прикусила губу и зажмурилась. Будь я сейчас одна – непременно бы разревелась! А так нельзя, иначе разбужу Артема. А если разбужу, то ему понадобится один взгляд, чтобы прочесть моё безумие.

И я затаилась, согреваясь в его руках, словно этого момента уже может и не быть. А ведь я никогда об этом не думала. Знала, что завтра точно увижу Князева... Знала, что если на кого и могу опереться в этой жизни, то только на него!

Он никогда никаких обещаний не давал, а я просто знала.

И ощущение это усугубилось, когда я вкусила весь спектр одиночества. Сначала скоропостижно ушёл отец, а полгода назад умерла и мама. Я до сих пор прихожу в полнейший ужас, ведь они были такими молодыми, жизнерадостными.

Порой, разогревая ужин в пустой квартире, я ловлю себя на мысли, что мама просто задерживается на срочной операции, а папа улетел в рейс...

И все пережитое за последние два года если чему-то меня и научило, так только тому, что самое любимое и ценное имеет свойство заканчиваться внезапно.

— Ты не спишь, — шепнула я, рассматривая извилистые вензеля на обоях.

— Ты так громко думаешь, что разбудила, — я не видела, но была уверена, что Артём улыбается. — Давай я облегчу твою участь?

— Как?

— Алеша, если выбирать между отношениями, сексом и мимолётным удовольствием, то я выберу дружбу с тобой. Поэтому выдыхай, и давай всё забудем? — голос его был по-

утреннему хриплым, ленивым. — Это просто поцелуй... Шишкин Сидорову всю ощупал и на спор оставил засос на груди. А мы просто поцеловались.

— Ты прав... Ты, как всегда, прав, — процедила я, пряча закипающую злость где-то глубоко-глубоко под сердцем. — Я тоже не хочу тебя терять, Тём. Но, может, Сидорова в чем-то тоже права? Может, это не дружба, а привычка? Ты привык, что я рядом...

— А разве настоящая дружба – не часть привычки? Ты привыкаешь доверять конкретному человеку. Если у тебя что-то случается, то ноги сами несут тебя по привычному адресу, чтобы получить привычную дозу поддержки, тепла и заботы? Привычка – это неплохо, Алёша...

— Но, быть может, нам все же нужна дистанция? — аккуратно протянула я. — Мы стали перегибать.

— Да? — хмыкнул Артём и дернул головой, отчего его колкая щетина прошлась по макушке, запуская какие-то новые ощущения. — Но если мы двадцать лет не знали про положенную дистанцию и продержались, то, возможно, менять ничего не нужно? Общество транслирует стандарты... При этом Смирнова всю ночь стонала в соседней комнате!

— Это не Смирнова, — внезапный хрип слева заставил вспомнить, что мы были в комнате не одни. — Это я умирал... А вы, свиньи бессердечные, даже стакана воды старому другу не принесли.

— Лужников, заткнись, — протянул Князев и лишь крепче обнял меня. — Не хрен было на спор выпивать эту красную бурду! Ты видел, что Кошкина в бокале намешала? И шампанское, и вермут, и текилу с лаймом. Болван ты! И голова твоя трещит заслуженно.

— Ой, кажется, я не один подкинулся на спор... От кого-кого, но от тебя, Князь, я такого не ожидал!

— Лужников, не дыши, умоляю! Оставь в комнате кислорода хоть на пять минут, — запищала я и заткнула нос, чтобы не вдыхать кислый запах перегара. — Вот ничего не меняется! Ты и раньше напивался в стельку.

— А вы и раньше тискались, как придурки.

— Согласен, — хохотнул Артём, но уже так тихо и медленно, а ещё через миг его дыхание стало глубоким, тихим и спокойным.

Уснул...

Подождав пару минут, я начала аккуратно вылезать из капкана его рук, чтобы не разбудить. Накрывшись одеялом, натянула джинсы, чтобы не сверкать задницей перед Лужниковым.

— Сомневаешься? — с улыбкой зашептал Лужников, сверля меня взглядом. — Готов поспорить – не будь здесь меня, ты бы не стала одеваться под одеялом. Вот тебе и ответ на все твои вопросы...

— А не потому ли ты дважды разведен, что умный такой? — зло прошипела я, а перед тем, как выбежать из комнаты, пнула друга по ноге.

Дом уже начал оживать, и похмельные зомби бродили по гостиной и кухне.

— Кушнир, только не говори, что мы стали причиной конца света! — Смирнова опустошила бутылку минералки и довольно рухнула в кресло. — Не из вашей ли комнаты всю ночь слышались стоны?

— Из нашей, — кивнула и взялась сгребать мусор со всех поверхностей в ведро... Но вдруг осеклась.

Почему я это делаю? Да потому что Князев не сядет завтракать в этом свинарнике. Опять Князев...

Но руки продолжили разгребать завалы, хотя мозг требовал остановиться.

А ещё я уловила, как жизнь на кухне остановилась, и ещё хмельные и взъерошенные друзья застыли от шока.

— Это Кошкина и Лужников, — выдала я и пожала плечами.

— Чегооооо? Алёша, ты че несешь? — пискнула Кошкина. — Да я спала со Смирновой в другой комнате!

— Это Кошкина замешала Лужникову такой коктейль, что он всю ночь стонал! — я рассмеялась, наблюдая, как шок на лицах сменяется весельем. — Так, давайте, завтракаем и гоним отсюда. У меня ещё тренировка вечером.

Мы с девчонками распределились, и через полчаса на столе появились и гренки, и яичница, и овощной салат. На запах стали стягиваться полумертвые друзья, и последними спустились Лужников и Князев.

— Держи, — я протянула Теме тарелку и поставила чашку кофе.

А он, по отработанной годами схеме, усадил меня к себе на колени, потому что и это было привычкой.

— Так, товарищи! Напоминаю, что в пятницу я жду вас у себя! — хлопнул в ладоши Шишкин. — И только попробуйте проигнорировать мою днюху! Тридцать лет, вообще-то... Имейте уважение?

— А где — у тебя? — я допивала чай и просматривала залп пьяных, злых и сбивчивых сообщений от Богданова.

Этот придурок писал до самого утра! А к концу перешел на красные смайлики, завершив спор с самим собой словом: «Шлюха». Серьезно? Шлюха? Так мы даже не спали! Дальше поцелуев никуда и не продвинулось.

С Валерой мы познакомились в компании случайно. Он — бортпроводник, поэтому его график, наложенный на мою занятость, буквально лишал нас положенной романтики со свиданиями, прогулками или ночными сеансами в кино. Да я и сюда его притащила лишь для того, чтобы хоть немного провести времени вдвоем!

И как удачно все вышло... Три «ха-ха».

А вообще, верно говорят: хочешь проверить своего партнера — выброси его из зоны комфорта и понаблюдай. Ну и я понаблюдала. И хорошо, что это вскрылось в начале. Мало того, что накидался первым, так ещё и решил посмотреть, как я целуюсь с другим.

Экспериментатор хренов...

А дальше что? Он мне тройничок предложит?

— Мудак этот Богданов, — фыркнул Князев, все это время бесстыже пялящийся в мой телефон через плечо. — Надо было зубы выбить... Хотел бы я посмотреть, как он шепелявит, предлагая курицу или рыбу!

— Тём, хватит, — выдохнула я. — Я даже думать о нем больше не хочу.

Пальцы сами открыли телефонную книжку, и я без сожаления заблокировала очередного неудавшегося кандидата на роль рыцаря моего сердца.

«Нелямур»... «Селяви», как говорится.

— Ну, так у тебя — это где? — я снова повторила свой вопрос, возвращаясь к бурному обсуждению предстоящего юбилея.

— Вообще-то, Алеша, пока ты помпонами на матчах машешь, я себе дом построил. Так что, в пятницу всех жду!

— Ой, Шишкин, а чего это тебе мои помпоны покоя не дают?

— Как чего? — здоровяк убрал тарелку в посудомойку и рассмеялся. — Это же главная сексуальная фантазия. Блондинка с помпонами — кайф!

— Озабочка ты, а не юбиляр...

— Всё, погнали, — Тема тоже допил кофе и скинул меня на пол, как пригревшуюся кошку. — Успею завезти тебя домой перед тренировкой.

— Уррряя! — взвизгнула я и начала собирать шмотки.

Это просто поцелуй... Ничего страшного не случилось. Всё будет, как раньше.

Подхватив парочку попутчиков, мы выехали с территории базы отдыха, где традиционно снимали этот огромный коттедж, и рванули в сторону города.

Неловкости больше не было, и мы спокойно дурачились, обсуждая последнюю игру «Дьяволов», нашей местной дублирующей команды, за которую когда-то играл и сам Князев и до сих пор играют наши общие друзья: Илья Лютаев и Макс Савин.

— Значит, тебя приглашают на тренерскую работу? — я захлопала в ладоши от восторга. — Не как сейчас, на временный контракт, а прямо на постоянку?

— Ну а чему ты радуешься? Ален, я уже приработался в юридической фирме, у меня и клиенты есть постоянные, и доход меня полностью устраивает, — Тема застучал по рулю пальцами, выдавая напряжение, вызванное тяжестью выбора. — И график свободный. Днем тренировки, а вечера в компании тонны макулатуры.

Тема был одним из немногих, кому удалось зацепиться за профессиональный спорт. Ему предрекали большое будущее, пока на одной из игр он не получил травму. Вообще, Князев был нетипичным спортсменом... Он любит хоккей, одержим им, но при этом у него весьма крепкая привязка к реальности. Наверное, он слишком рационален для хоккеиста, чтобы забыть о трех операциях, а потом снова рубиться у борта площадки.

Возможно, потому после травмы он и решил завязать... Имея юридическое образование, ушел делать карьеру на другом поприще, и даже там его ждал успех. А для души он помогал главному тренеру.

Но с хоккеем сложно завязать... Потому он до сих пор катался в «ночной» лиге.

— А что тебя смущает?

— Нет там денег, Кушнир, нет... Второй тренер дублирующей команды? Сегодня есть финансирование – завтра нет. Сегодня-завтра заберут по клубам Савина, Лютаева, Королева и Керезя с Добрыниным. И с чем мы останемся? Минус два боевых звена?

— Тём, — я машинально сжала его руку, останавливая биение пальцев по рулю. — Да у «Дьяволов» всегда полная арена! Иногда даже больше, чем на игре основной команды. Студенты, толпы малолеток... Это кайф!

— Ален, как только заберут два сильных звена – зрелищный хоккей закончится. Опустеют трибуны, а потом прекратится и финансирование. Все просто...

— У тебя всегда все просто, Князев, — я рассмеялась и чуть не смахнула с колен завопивший телефон. — Все логично, по полочкам, структурировано.

— А ты – вечный хаос, — Тема тоже улыбнулся, и лицо его наконец-то расслабилось. — На эмоциях, по чувствам и с вырубленным навигатором.

Князев свернул во двор моего дома и уже по привычке подкатил к подъезду.

— Ну, всё? До вечера? — он выставил кулачок, и я с радостью отбила его.

— Увидимся на тренировке, — я подмигнула и выскочила из машины.

На ходу достала ключи и скрылась в прохладе подъезда. Минувя лифт, я побежала по лестнице прямо до пятого этажа. Вставила ключ в замочную скважину, но... он не провернулся.

Приплыли...

Я осторожно обернулась, боясь, что после пьянки либо Князев меня высадил не у того подъезда, либо я дверь ошиблась. Но нет... Моя родная лестничная площадка и маленький рисунок ромашки под кнопкой дверного звонка.

На него я и ткнула...

За дверью послышались шаги, и через мгновение створка скрипнула, являя сонное лицо Марины, моей старшей сестры.

— Мариша! — я подпрыгнула и бросилась к ней с объятиями. — Ты какими судьбами? Спала, что ли? А чего тут? С Гошей поругалась?

— А что? Чтобы прийти в свою квартиру, мне уже нужно спрашивать разрешения?

Голос сестры отрезвил и разбудил меня круче, чем ядреный кофе.

Я отстранилась, разжала руки, а после на автомате захлопнула за собой дверь.

— Что случилось? — я скинула кеды и зашагала за сестрой в направлении гостиной.

Внутри разлился холод и... предчувствие. Нехорошее, мрачное, скребущее. Но стоило войти в комнату, как я снова залилась смехом и бросилась на пол. На пушистом ковре в плетёной люльке лежала румяная малышка.

— Милаха! Моя любимая племяшка! — засюсюкала я, целуя теплые щечки. Племяха в ответ загулькала и потянула ко мне ручки.

Этот год был непростым для нашей семьи... Но начался залп событий с самой прекрасной новости: моя старшая сестра объявила о своей беременности.

И новость эта раздробила нашу семью надвое. Нет, мы были безмерно рады! Но все омрачалось обстоятельствами этой беременности. Марина со школы была влюблена в Гошу Алиева. Как кошка, до одурения! Она ж по пятам за ним таскалась, все прощала, со всем мирилась.

Они то сходились, то расходились... Причем вместе они могли быть две недели, а не видеться по полгода. Он и гулял, и пил, и пропадал, и деньги тырил... Дурак. Ещё какой дурак!

Родители на дух его не переваривали, на порог не пускали. Но после смерти отца мама сильно сдала. И ослабила контроль над старшей дочерью. И закончилось все это беременностью...

Ни о какой свадьбе речи даже не шло. После скандала Марина собрала вещи и уехала в отцовскую комнату в общежитии. Там они с Гошей и жили.

А после рождения Милки Гоша даже вроде как за ум взялся. Комнату они продали, взяли ипотеку, он на работу устроился.

— Ален, нам нужно поговорить, — откашлялась Марина, присаживаясь на диван.

Я обернулась, и снова холод вернулся.

— Ну, давай поговорим, — я перекатилась, прижалась спиной к лакированной стенке, ойкнув от мимолетного касания холодной хрустальной вазы.

— Я не буду тянуть, просто скажу, как есть, — Марина сплела пальцы в замок и повела плечами, словно пыталась сбросить оцепенение. — Я выставила эту квартиру на продажу...

Глава 4

— Как выставила на продажу? — я попыталась сглотнуть слюну... Но её не было. Рот пересох, язык не шевелился, а голос упал до шепота.

— Ален, я все понимаю, — Марина перестала отыгрывать суку и сползла на ковер, застыв рядом со мной, но так, чтобы не коснуться. — Но и ты меня пойми! У меня маленький ребенок, Гошу сократили... А ипотеку нужно платить!

— А я?

— Ален, ты меня, конечно, прости, — Марина расправила складки на платье, и в каждом её движении чувствовался нерв. — Но это моя квартира. Ты же не станешь спорить?

— А-а-а-а... Я же приёмыш, да? — рассмеялась, а после поцеловала Милашку в пухлый кулачок и поднялась на ноги.

Зашагала в сторону кухни, отчего-то быстро скользя по родным стенам квартиры, где прошло все мое детство. Вот фотографии, вот рисунки в рамочках, вот коллекция домашнего видео с хронологией нашего с Маринкой взросления.

Да, мама и папа были мне не родными по крови. Но были родными по сути! Папа – мой родной дядя, сжалившийся над малюткой, после того как погибли мои родители. Они просто угорели во сне... Остались ночевать в саду, затопили печь, не проверив заслонки и дымоход. Мне было три года...

Да, у меня появилась новая семья. Но никогда меня не попрекали ни куском хлеба, ни отдельной комнатой. Это были мои родители! Это была моя сестра... И это был мой дом.

Но что изменилось сейчас?

— Алена, убегая, мы не решим проблему! — донеслось мне в спину.

Я открыла холодильник и достала банку с вишневым компотом. Открыла крышку и припала к стеклу. Глотала сладкую холодную жидкость, правда, вкуса я так и не почувствовала. Поймала три ягоды, раздавила языком, но и они словно были бумажными.

— Просто скажи, чего ты хочешь от меня. Ты же пришла с уже готовым решением? Так озвучь его, сестра, — последнее слово вылетело стрелой и попало в цель.

Я видела, как Марина машинально бросила взгляд на фотографию мамы, прикрепленную магнитом на дверку холодильника, и шумно сглотнула.

Приёмыш... Как удобно.

Значит, когда я выхаживала отца – родной была. Когда маму разбил инсульт, и я её таскала на себе и в ванную, и на прогулку – родной была. А как дело дошло до наследства – сразу приёмыш?

— Тебе напомнить, чью комнату в коммуналке вы продали, чтобы получить первоначальный взнос на ипотеку, или сама вспомнишь? — я не рычала, контролировала голос, не срываясь ни в истерику, ни в крик.

Нет. Нельзя... Тут ребёнок.

— Вот и хорошо, что ты сама это вспомнила, — Марина поёжилась, словно сбрасывала прилипший взгляд мамы, и даже улыбнулась. — С продажи квартиры я верну тебе сумму, вырученную за коммуналку.

— О как...

— Алена, давай отметем все эти клише и мелодраматизм ситуации. Давай по фактам? Квартира – моя. И как ей распоряжаться – это моё дело. У тебя нет на это ни юридического, ни морального права. Я проконсультировалась с риелтором, вырученных денег должно хватить, чтобы закрыть ипотеку.

Марина была явно довольна собой и тем, как холодно и отстраненно держалась со мной. Да она говорила, словно речь эту долго и планомерно заучивала! А сейчас ликовала, что не сбилась и не дрогнула от стыда.

— А давай я тоже выскажусь, Мариш? — я присела на табурет и поправила скатерть на столе. — Твой Гоша сегодня есть, а завтра его нет. Ипотека и квартира записаны на его имя. И чтобы закрыть его долг, ты хочешь продать родительскую трёшку. Но где гарантия, что завтра твой Алиев не свалит в туман, а потом ещё и не выселит из квартиры, забыв про вашего общего ребенка?

— Но... — сестра вздрогнула и отшатнулась, не ожидая отпора.

— Я съеду, Марина. Нет вопросов... Но ты совершаешь самую большую ошибку в своей жизни. И поверь, с надёжностью твоего Гоши, через год ты останешься одна на съёмной квартире, — я рывком собралась и вышла из кухни, стараясь не задеть Марину, застывшую в дверях.

Но отойдя на три шага, я снова остановилась и продолжила, не оборачиваясь:

— Ты же консультировалась у юристов и риелторов. Что, и никто тебе не намекнул на глупость задумки? Марина! Очнись! Ты ему – не жена! Ты потом не докажешь, что твоих денег в его квартире больше! И первоначальный взнос, и закрытие кредитных обязательств. Поди, ещё и маткапитал туда решила занести?

Я не смотрела на сестру, но слышала её рваный выдох.

Больше говорить не было ни смысла, ни времени. На автомате приняла душ, закрылась в своей комнате и только тогда услышала хлопок входной двери.

Ушла...

Ну и правильно. Пусть подумает.

Я Маринку хорошо знаю. Если на неё давить – она из вредности все сделает наоборот! Родители запрещали ей встречаться с Гошей – так она сбегала, истерики устраивала, была белугой и школу прогуливала. Оттого и в универ не поступила, пришлось идти в ПТУ. А ведь она мечтала стать ветеринаром! И химия ей давалась с легкостью, и биологию в промежуточных на отлично писала. А экзамены завалила... Я помню, как маме шокированные учителя телефон обрывали.

И рад был её провалу только Гоша... Зачем этому козлу девушка с высшим образованием? Вдруг кого другого найдет? А такая послушная и по уши влюбленная самому нужна.

Вот и сейчас Алиев, сука, опять ею верховодит, а она и рада стараться.

И ведь ребенок у них! Крошка маленькая, ни в чем не виноватая!

И ей, как матери, нести ответственность за своего ребенка, потому что в мужья она себе выбрала не того мужчину. Не того...

Подошла к окну и, не одергивая тюля, посмотрела во двор. Так и есть... У подъезда её ждал Алиев, а как только Марина вышла, он сразу бросился навстречу.

И даже в этом жесте было слишком много правды, которую моя сестра не видит. Он побежал и сразу начала задавать вопросы, даже не удосужившись забрать тяжелую люльку и пухлую сумку с детскими принадлежностями.

«Нелямур»... Однозначно.

Я стерла слезы, осмотрела свою комнату и начала собираться на тренировку. Если сейчас впасть в уныние, то проще сразу сдохнуть с моим уровнем везения.

В спортивный комплекс я влетела за пять минут до тренировки.

Пронеслась по этажам в сторону женских раздевалок, в одной из которых переодевался наш наикрутейший коллектив черлидерш «Дьяволицы», которым я руководила долгие пять лет.

— Всем привет! — махнула рукой, приветствуя своих девчонок.

— Боже... Начальство не опаздывает? — рассмеялась Лилька Зорина. — Оно задерживается?

— У меня есть уважительная причина...

— Да знаем мы про твою причину, — моя лучшая подруга Томочка Разина подошла ко мне со спины и начала закручивать мне хвост, чтобы не терять время. — Смирнова весь интернет залила фотографиями с вашего сабантуя. Ну, вы и пьянь...

Я напряглась, но вида не подала. Чёрт... Появление Марины сбilo меня с мысли и нарушило планы. А ведь я хотела проверить, что именно постили наши друзья. Не хотелось бы, чтобы кто-то запечатлел наше с Тёмой безумие.

Но Разина молчала и не язвила, значит, беды не случилось, и ураган прошел мимо.

Я быстро разделась, потом так же быстро натянула форму, потому что сегодня был запланирован генеральный прогон на трибунах. Программа новая, и ставили мы её поспешно, чтобы успеть к важному матчу «Дьяволов».

— Все готовы? — я приобняла Тому, благодаря за помощь, затем схватила помпоны и первой вышла из раздевалки.

С арены доносились свитки, крик и характерный скрип коньков по льду, а значит, тренировка команды ещё не закончилась. Видимо, перед игрой Мулин окончательно решил замотать парней.

— Занимаем свои места, — я быстро сбежала по лестнице домашней трибуны, заняла нижнюю площадку и, пока девчонки выстраивались в нужном порядке, успела обернуться на скамейку команды.

Мулин что-то чертил маркером на планшете, команда суетливо носилась в челночном упражнении, а рядом, на льду, стоял Князев.

Артем то ли почувствовал мой взгляд, то ли успел посмотреть на часы, и повернулся, махнув мне рукой.

Ну вот... Всё по-прежнему. А значит, ни на что не повлиял этот дурацкий поцелуй.

Хотя... Не такой уж он и дурацкий. И в подтверждение этой мысли по рукам побежали мурашки. Но и их я списала на холод, тянущийся ото льда.

— Девочки, привет! — раздалось с верхнего ряда, и на трибуну резко выскочила Кристина Александровна Савина, наш новый временный спортивный директор.

Савина ловко заскакала по ступеням, устремляясь прямо ко мне, а за пару метров раскинула руки и крепко обняла.

— Алешенька моя, — ласково протянула она, но тихо, чтобы никто не услышал. — Как же хорошо сидит новая форма! Просто класс!

— Да, тетя... Кристина Александровна, — я машинально оправилась и отступила на положенную дистанцию. — Спасибо вам большое, а то пять лет ничего нового не шили.

— Вот и хорошо. Завтра привезут ваши новые мохнатки, — рассмеялась Савина и пальчиками прошлась по шелестящему помпону. — Шучу-шучу... К игре я вас экипирую полностью. Даю слово. А теперь встречай пополнение... Ты же просила у меня ещё одну девочку? Вот... Анастасия Чарова. Резюме у нее отличное, можешь мне поверить. Прыгала в поддержку команды «Львов», но из-за переезда осталась без любимого хобби.

Савина говорила-говорила... А я уже почти не слышала. Вскинула глаза вверх, где на верхней площадке технической трибуны скромно переминалась высокая рыжая красотка.

— Формой я её обеспечу, а пока пусть потренируется так, — тетя Кристина задумчиво нахмурилась, уловив перемену моего настроения. — Алён? Всё хорошо?

— Да-да, — кивнула я и машинально обернулась через плечо, ловя удивленный взгляд Князева.

Приплыли... А этот день может быть ещё дерьмовей.

Глава 5

Чарова-овчарова...

Шипела я, но в мыслях. Внешне же я была совершенно спокойна и расслаблена. Поприветствовала новенькую, указала ей на место новичка – а именно на высшую точку в цепи, и начала тренировку.

— Анастасия, просто наблюдай и пытайся запомнить, — крикнула я, не забыв приправить все улыбкой. — Начали! Раз-два-три-четыре...

Я задала темп, отбивая его ударами ноги по деревянной площадке, чтобы девочки меня слышали.

— Даша, ногу выше! Кать, хорошо... Задницей не верти, это не стриптиз!

— Фу-у-у-у-у, опять не стриптиз, — раздалось сзади, и в затылок ударило залпом резких выдохов.

Я мельком обернулась, заметив группу активистов и наших самых строгих судей, а именно Макса Савина и Мишку Королёва.

— Это что, Чарова-овчарова? — зашипел Макс и, чтобы не кричать, поддел меня клюшкой за лямку майки, подтягивая ближе к борту.

Ледяная крошка растаяла, растекаясь по коже неприятным холодным ручейком. Но сейчас это было даже кстати. Я так отчаянно сдерживала раздражение и досаду, что казалось – задымлюсь в любой момент. Ну почему это должна быть Чарова?

— А ты слепой? — процедила я, не отвлекаясь от тренировки. — Даша, ну куда ты тарасишься? Что, Савина никогда не видела? Есть у него девушка уже! Есть!

— А я на Королёва смотрю, — пискнула Даша и тут же сбилась с темпа.

Но на этом приключения Даши не закончились... В момент, когда она должна была войти в сложную поддержку, нога юной соблазнительницы поехала, и она начала заваливаться, увлекая за собой и девчонок.

По трибуне побежал раскат грохота, визга, заглушивший даже музыку.

— Дашуль, родная, ты как? Жива? — заливаясь хохотом, протянул Мишка Королёв.

— Какая прелесть! — крикнула я, сдерживая смехок. — Королёв, свалите в туман, умоляю, а? Мы и так нервничаем. Это со старой программой мы ещё и за игрой успеваем следить, а тут в ногах все путаются.

— Жива я, Ален, жива, — Дашка вскочила, смахнула каштановую гриву мелких кудряшек и вновь встала на своё место.

— Вождь сказал — к стенке, значит, к стенке. Сваливаем, — отшутился Савин, и парни покатили вон от борта.

— Так, девочки, продолжаем! Даша, давай больше без падений? Погнали! Раз-два-три-четыре...

До конца тренировки нам больше не мешали. И уже через сорок минут девочки наконец-то настроились, и картинка стала складываться воедино. Я мельком посматривала на новенькую, с удивлением обнаружив, что и она вполне влилась в коллектив и даже без ошибок отработала первую часть, где не было акробатических номеров.

— Всем спасибо, девочки! Все молодцы!

Как только я похлопала, тем самым заканчивая тренировку, по борту прокатился удар. Мне и поворачиваться было не нужно, чтобы понять, что это Князев. Он подкатился и замер у меня за спиной, ткнув холодной крагой в бок.

— Алешенька, подруга моя верная, скажи, что я брежу? — Князев явно намекал на новенькую.

— Нет, Тёмыч, ты не бредишь. Это та самая Чарова, — процедила я сквозь зубы.

Я следила за ней пристально, даже не моргала, пытаюсь не пропустить даже микродвижение, но нет... Настя весело переговаривалась с девчонками и на нас, а в частности, на Князева, даже мельком не глянула.

Вот это-то меня и пугало! Прежняя Чарова уже из кожи вон вылезла бы, пытаюсь привлечь внимание Артёма. А сейчас полный игнор...

Чарова-Чарова... И откуда ты взялась? Она же гонялась за Артёмом три года! Три долгих года преследования... Сталкерша, блин! Написывала на почту, в соцсети, мессенджеры, оставляла записки в раздевалке. Да она даже обманом, под видом медсестры, пробралась в больничную палату, когда Артем лежал там после операции.

Но я окончательно потеряла надежду на её адекватность, когда застала Чарову в комнате Артёма. Она рылась в ящиках, а когда увидела меня, то совсем не смутилась.

Она, конечно, сказала, что ошиблась дверью, ведь комнаты на спортивной базе все одинаковые! И, кстати, Настя была первой, перед кем я отыграла роль ревнивой девушки Князева. Наши друзья, естественно, были в курсе спектакля, и даже сочувствовали Артему из-за чокнутой гимнастки сборной соседней области. И, к слову, отсюда ко мне и прилипло прозвище – Княжна.

— Чарову привела Савина, прямо перед репетицией, — выдохнула и обернулась, лишь когда девчонки покинули трибуны, хлопнув тяжелой металлической дверью.

— Вот это сюрприз... Ладно, с ней потом разберемся. Ты, Алеша, чего такая грустная? — Тема крутанул меня и тут же в глаза вперился. Его буравчики впились нагло и даже как-то грубо. — Нос морщишь, дергаешься. Что случилось за пару часов, которые мы не виделись?

— Тём, ничего не случилось, — я почему-то решила не рассказывать про разговор с сестрой в надежде, что она передумает и осознает глупость своего решения. — Всё, у меня через полчаса лед с малявками. Я побежала переодеваться.

— А потом? — Тема остановил меня, схватив за локоть.

— А потом, как всегда, на работу в ресторан, — я посмотрела на часы и присвистнула, — Всё, Князев, не мешай мне становиться миллионершей!

— Или ломовой лошадкой, Кушнир. Да? Тебе суток хватает, чтобы заскочить на все работы в этом городе?

— Хватает! — я рассмеялась и ловко взбежала по ступеням.

Из раздевалки доносился звонкий хохот. Странно... Обычно к этому времени девчонок уже и след простыл. Ведь черлидерство – это скорее для души, чем для денег. Платили немного, но на тренировках я спрашивала строго, так что в итоге в нашем коллективе остались лишь самые стойкие и преданные. Потому после репетиций все разбегались по своим делам.

— Что, правда-а-а-а? — раздалось дружное, когда я переступила порог раздевалки, обнаружив девчонок до сих пор сидящими в форме.

Они кучным воробыным стадом облепили скамейку, кружась вокруг огромной коробки с эклерами из кондитерской на соседней улице.

— А вот и наш руководитель. Настя, знакомься, это Алена Кушнир, — подхватила Лилька Зорина и с набитым ртом начала представлять меня Чаровой. — Вас, кажется, не представили.

— Очень приятно, — заикаясь, робко проблеяла Чарова. И румянец на щеках заиграл, и ресницы затрепыхались, а в лице ни грамма узнавания. — Алена, угощайтесь. Эклеры очень вкусные!

— И мне очень приятно, Настя, — кивнула я и присела к своему шкафчику. — От эклеров я воздержусь, у меня ещё тренировка с мелкими. А ты отлично двигаешься. Если не будешь лениться, то к игре вольешься в коллектив.

— Да я, вроде как, уже, — Чарова приобняла Зорину за плечи и улыбнулась. — Алена, у вас такой замечательный коллектив! Девчонки такие красивые, веселые. Не то, что мой прошлый коллектив!

— Ну да... Ну да...

Я подхватила полотенце, косметичку и отправилась в душ первой. И лишь завернув за угол шкафчиков, чуть обернувшись, поймав пристальный взгляд Чаровой. Она не ожидала, что я обернусь, оттого и маску равнодушия забыла натянуть. Но выдали её глаза... Не успела Настя потушить фанатичный огонек. Не успела...

Попалась! Ну-ну... Не узнала она меня. Узнала! Ещё как!

Я вошла в душевую кабину, включила воду и почти сразу услышала скрип двери и легкие шаги за спиной.

— Алён, ты прости меня, — Чарова ступила на поддон и включила воду в соседней лейке. — Это выглядело так глупо. Но я так растерялась и не сразу узнала тебя.

— Да брось, Настя. Я тебя тоже не сразу узнала. Столько лет прошло, — я не поворачивалась, потому что её ложь ощущалась кожей.

Растирала гель для душа, стоя полубоком к Чаровой.

— И правда! Молодые были, глупые. Но мне бы не хотелось начинать наше сотрудничество на негативной ноте. Предлагаю все забыть. Так как? Ты согласна?

— А я, Настя, уже давно всё забыла...

Я выключила воду, закуталась в полотенце и вышла из душевой с легким послевкусием досады. Врёт... Овечкой прикидывается.

Но сейчас было не до неё. Я переоделась в спортивный костюм и, попрощавшись с девчонками, убежала на лёд, где меня уже ждали малявки.

Я обожала детей... И они отвечали мне взаимностью. Потому и тренировки у нас проходили весело и шумно. А иногда я выводила на лёд родителей, это помогало раскрепостить малявок, ну и снизить градус ответственности, потому что родители порой перегибают палку, требуя, чтобы их чада были Плющенками и Роднинными с самых пеленок.

Я вот тоже думала, что взойду на пьедестал... Но чуда не случилось.

После изнурительных полутора часов беготни за малышами у меня не было ни секунды на промедление.

Скинув тренировочную амуницию, я снова ополоснулась в душе, наспех накрасилась, натянула джинсы, свитер и выбежала из ледового дворца.

И было у неё две жизни... Это, кстати, про меня. С утра в Ледовом до дрожи в ногах, а вечера я проводила в уютном итальянском ресторане «Римини», которым владела милая супружеская пара.

И там я была не строгим руководителем танцевального коллектива, а обычной официанткой. Носилась с огромными тарелками для пасты, улыбалась пьяным гостям и выслушивала регулярные грубости.

И опаздывать мне сегодня никак нельзя! Я и так полсмены торчу своей сменщице, да и злить менеджера совсем не хотелось. Мне очень нужна эта работа, учитывая утренний разговор с сестрой.

В горле опять запершило, тревога закрутилась вокруг сердца, а пальцы машинально сомкнулись на серебряном браслете, который мне подарили родители на позапрошлый день рождения. Так странно... Ещё два дня рождения назад у меня была семья. Полная, счастливая, с шумными праздниками, домашними пельменями и милыми традициями.

Даже от этой мысли становилось горько. А если копнуть чуть глубже... Выходит, за мою недолгую жизнь я потеряла уже вторую семью?

Слезы все-таки навернулись на глаза, размывая серость и без того дождливого вечера. В лицо ударил порыв влажного ветра, стирая следы моей мимолетной слабости. Но я быстро собралась с силами.

Мне нужно работать!

Когда заболел отец, мы с мамой оказались в непростой ситуации. И дело было даже не в деньгах, а в том, что ему требовался постоянный уход. Мама весь день на работе, Маринка объявила о беременности, а в больнице отец лежать отказывался. И это была даже не обычная больница, а клиника, принадлежавшая родителям Князева.

Но папа упирался и не замолкал, постоянно повторяя, что хотел бы умереть дома.

Тогда я написала заявление в университете и отправилась в академический отпуск. Мама была в ярости, и я её понимала. Четвертый курс – ещё чуть-чуть, и диплом! Но папе становилось все хуже. От невыносимых болей он был сам не свой, мог известить любого! А меня терпел... Молчал, обижался, но терпел.

А когда папы не стало, я даже написала заявление, чтобы вернуться в универ. Но тут... слегла и мама. Инсульт застал её внезапно, прямо за рулем. Мы все видели, как тяжело она переживала смерть отца, но никто бы и не подумал, что через полгода мама окажется на том же месте... на диване в почти полном параличе.

Я готова была сдохнуть! Мне было так плохо и больно, что порой хотелось выть и лезть на стену!

Но... со мной всегда рядом был Артём. А ещё мне нужно было работать, потому что деньги имели свойство быстро заканчиваться. Это при условии, что после каждого визита Князева в моем кошельке откуда-то появлялись купюры.

Мне было неловко... Да нет. Мне было так стыдно! Мало того, что Князевы полностью оплачивали лечение отца, так они ещё и взвалили на себя реабилитацию мамы. Но в том положении мне было не до гордости.

Все, о чем я мечтала – чтобы мама встала...

Но не о том я мечтала. Да и не мечтать нужно было, а молиться. Чтобы мама просто жила.

А её не стало...

— Мамочка, папочка, я вас так люблю, — я поцеловала браслет и побежала к скверу за Ледовым дворцом.

Пешочком до ресторана было всего двадцать минут, а если бегом, то можно и за десять справиться.

Но стоило мне завернуть за угол, как в спину прилетело:

— Кушнир! Погоди-ка...

Я вздрогнула и затормозила, заметив, как из-за колонн служебного крыльца отделяется высокая фигура...

Глава 6

— Валера? — заикаясь, выдала я.

Нет, я его не боялась, просто он застал меня в момент слабости. Я развернулась и, сделав вид, что поправляю волосы, стерла слезу.

— Богданов, чего тебе нужно?

Чем ближе Валера подходил, тем более отчетливо я видела его злое и какое-то серое, осунувшееся лицо. И синяки под глазами, и кривоватую улыбку, и недоброе подрагивание подбородка. Он был одновременно уставшим и злым. И веки расслаблены, будто в любой момент уснет, да он их поднимал с усилием, вскидывая вверх брови!

— Ты что, Кушнир, из общества Динамо? А чего сразу не предупредила? Ты повязку носи, что ли?

— О! Юмор за триста... Давай, пошути про тракториста, и разойдемся, — я сделала шаг назад, но Богданов тут же стер эту дистанцию, сцапав меня за запястье, прямо поверх браслета. — Отпусти! Я опаздываю на работу!

— На работу? — оскалился он и закурил, пуская кислый дым мне прямо в лицо. — А зачем тебе работать, Кушнир? Ты же подстилка Князева... А он у нас в городе видная персона. И семейка у него под стать... воздушные богатые мрази! Куда мне до них, да?

— Богданов, ты пьяный, что ли? — охнула я и принялась.

Да, так и есть... Он закурил, чтобы скрыть перегар, вот только с примесью табака эта вонь стала просто тошнотворной.

— А мне алкоголь не мешает видеть картину в целом, Аленушка. Или, как там тебя называет этот мажор-переросток? Алешенька? — Валера наигранно рассмеялся и сильнее стиснул руку. — А ведь мне говорили, что ты — его ручная подстилка. Приложение к богатому мажору... Думаешь, люди верят в вашу дружбу? Думаешь, все вокруг тупые и слепые?

— Ну, ты так точно тупой, — выплюнула я и попыталась вырвать руку, но он усилил хват.

— Нет, Кушнир... Людей не обманешь. Не существует дружбы между мужчиной и женщиной. Нет её в природе! Понимаешь? Если бы с бабами можно было дружить, то мужиков бы в ЗАГС хрен кто затащил. Мозг не пилит, за пиво с друзьями не орет, зарплату не отбирает. Пришёл — трахнул во все щели, и разбежались. Шикарная дружба!

— Боже, Богданов! — я нервно рассмеялась и шагнула ему навстречу, всматриваясь в глаза. — Ты угораешь, что ли? С какой стати я должна слушать твоё дерьмо?

— А с того, что ты из меня посмешище сделала! Спишь с Князовым... Ну как спишь? Он, наверное, как шлюху тебя вызывает, чтобы заглотила его клюшку, а после вон прогоняет. Шлюха ты, Кушнир... Обычная давалка и подстилка для богатенького сынка!

— Давай, ускоряйся, придурок. Выскажись, и я уже пойду!

— Да я видел... Он и привез тебя домой!

— Дальше, — я подняла левую руку, посмотрела на часы и заскулила, предприняв новую попытку вырваться. — Быстрее! Я на работу опаздываю!

— Ну уж нет, — и тут Валера так резко толкнул меня назад, прямо на капот припаркованного автомобиля, а сам навис надо мной. — Расскажи, Алена, чем же он лучше меня? И сколько платит тебе? Вдруг и я с зарплатой наскребу?

Валера уже не просто сжимал мою руку, он всем весом вдавливал меня в холодный металл капота, буквально лишив возможности двигаться.

— Богданов, отпусти! Мне больно! — завопила я, за что и поплатилась.

Его пахнущая табаком ладонь накрыла мой рот, да так крепко, что я зубами оцарапала себе губу.

— Давай, Кушнир, поцелуй меня... Только не так, как ты обычно делала, притворяясь скромной девочкой. А как своего Князева... Видел я ваш поцелуй! Вы же чуть не трахнули друг друга прямо там, на глазах у толпы! Друзья они... Ага, щаз-з-з-з!

Я умудрилась сдвинуть ногу и теперь думала, как бы согнуть её, чтобы зарядить коленом по яйцам этому уроду! В голове вспыхивали приёмы, которым меня учил Артём, но Богданов зафиксировал мои бедра. И пока я не освобожусь – подходящего маневра не находила.

— Поцелуй, — хрипел он, травя меня вонью перегара.

— Пм-м-м-м-м... — промычала я, пытаюсь прикусить зубами его ладонь.

Меня накрывало тошнотой и ужасом. Смотрела в его глаза и поверить не могла, что почти месяц считала этого ублюдка достойным мужчиной! Я же целовала его, готовила оладушки и возила в аэропорт, чтобы он поел домашнего!

— Мычишь? Отыгрываешь страх? А я вот в твоих глазах вижу похоть. А правы мужики... Если баба говорит нет, то это скрытое да. А я, болван, хорошим с тобой был. А ты, видимо, любишь пожестче? Да? — этот ублюдок качнул бедрами, демонстрируя твердость стояка, а меня и вовсе чуть не вырвало.

Я лупила по его спине кулаком единственной свободной руки. Брыкалась, царапая капот бляшками на рюкзаке. Но он был слишком сильным!

— Князев с тобой не церемонится? Сразу к станку? Ты, наверное, и рот открываешь уже у порога, да? Позишн намбэр ван...

И тут произошло странное... или страшное.

Капюшон толстовки Богданова взмыл вверх, а его самого, как пушинку, подняли в воздух и сорвали с меня, как восковую полоску! Да-да... Потому что после отрыва меня пронзило жгучей болью!

Я не успела сосредоточиться и понять, что именно болит, и что этот козел сделал, потому что смотрела в бледные, почти бесцветные от лютой ярости глаза Князева.

Не было на его лице ни ухмылки, ни обычного спокойствия и полуулыбки... Он был каменным, как мраморная статуя. Но не бледным... А пунцово-красным, как раскочегаренная печь.

Да Богданов даже «мяу» сказать не успел... Князев одним ударом в голову вырубил этого ублюдка. И Валера рыхлым кулем рухнул на влажный асфальт, не подавая признаков жизни.

Я выдохнула и заскулила, скатываясь по холодному и мокрому капоту... Осела на асфальт, и из глаз градом полились слезы. Но не от обиды...

Зажмурилась, выдохнула. И снова открыла глаза, концентрируясь на чёрной луже, в которой что-то подозрительно знакомо поблескивало.

Я уже чувствовала и боль, кружащую вокруг запястья, и мозгом понимала её причину. Но сердце уже стонало, а из груди рвались хрипы.

Перекатилась на колени и начала собирать серебряные звенья родительского браслета, не замечая стекающих по пальцам темных струек крови. Баламутила воду, размывая бурые кляксы на поверхности.

— Алена! — грохнул Князев и попытался меня поднять, но я отбивалась, продолжая ковыряться в грязной воде.

Тема снова попытался поднять, и лишь после повторного сопротивления он понял, что я не бьюсь в истерике... вернее, если это истерика, то не по поводу отморозка.

Князев присел, разжал мою ладонь, выгребая куски браслета, а после достал телефон и начал светить под капотом, пока не нашёл кругленький кулончик, на котором было выгравировано: *«Любимой доченьке от папы и мамы»*.

— Подонок! — заорала я и вскочила. Да так резво, что Артём не успел перехватить меня.

Я подлетела к Богданову, схватила его за грудки и начала трясти. После третьего удара он застонал, и его веки дрогнули.

— Ты ублюдок, Богданов! И моральный урод... Не мужик ты, а, Валера! Жалкий, немощный импотент. Папа про таких говорил «интеллекто засраное»! На лице печать интеллекта, а внутри помой плещутся! Силой брать привык? Зашугал бабу, и она на все согласна? Но ты прав... Такие, как ты, не умеют не то что дружить, такие и любить не умеют! Женщина – функция...

— Отвали! — захрипел он, но тут же напрягся, потому что надо мной навис Князев.

Артем не мешал, не дергал, не оттаскивал. Он просто нависал, контролируя ситуацию и следя, чтобы Богданов не касался меня. И вот тут я увидела в его глазах страх... Лютый, мощный, парализующий.

— Тут везде камеры, Валера! И завтра это видео облетит весь интернет. Попрут тебя из авиакомпании, недоделок. Кому нужны насильники и подонки? — горько рассмеялась я. — И запомни... Увижу тебя на горизонте – сразу звоню в полицию! Ясно?

Богданов молчал, что-то хрипел, шурился и елозил затылком по луже.

— Тебе дама вопрос задала, — тихо прорычал Артем.

— Ясно, — тут же ответил Богданов.

— Видишь, как все наглядно получилось, Валера? Ты пришёл ко мне с силой... Но только на каждую силу всегда находится большая! В рот ему мне дать захотелось, ты посмотри! Писюном потирался, вещи страшные говорил... Не питай иллюзий. Я б тебе твой корнишон откусила – а теперь живи с этим!

Я вскочила и ринулась в сторону сквера, но на этот раз мне повезло чуть меньше...

Глава 7

— Потому что есть Алёшка у тебя, по Алёшке ты мечтаешь зря... — растягивал Князев, шагая к своей машине. Он в привычной манере тащил меня на своём плече, слегка придерживая, чтобы не упала. — Об Алёшке все твои мечты... Только об Артёмке позабыла ты-ы-ы...

— Тема, отпусти! — кричала, лупя кулаком в его мощную спину. — Поставь меня!

— Об Алёшке все твои мечты. А Валерку замочила ты... — Тема перешел на хохот, а после открыл дверь своего джина и усадил меня на пассажирское сиденье.

Вот только он не отошёл... Спокойно перехватил запястье, задрал рукав моего худи и зашипел, осматривая саднящую и кровотокающую рану.

Стоило мне посмотреть на этот кровавый след, как тут же поплохело...

Я вообще не переносила вида крови. Мутить начинало, и голова шла кругом. Наверное, это единственное, что я плохо выношу. Нет, не отрубаясь, как барышня кисейная, но замираю мышью перед питоном.

— Знаешь, Алёша, за что я люблю тебя? — Тема достал аптечку и начал поливать антисептиком моё запястье, смывая следы крови стерильной салфеткой.

— А ну-ка... Просвети?

— Да без тебя моя жизнь была бы черно-белым комиксом. Но когда приходит Кушнир — то на полотно сразу краски выливаются, — Тема уловил моё болезненное шипение и начал дуть на запястье. — До свадьбы доживет. Или заживет... Как правильно?

— Я не доживу до свадьбы! — аккуратно опустила глаза на рану и застонала.

Богданов то ли специально сдёрнул украшение, то ли чем-то зацепился, но моя кожа теперь была окольцована кровавым браслетом глубокой царапины.

— Доживёшь, Алёша! Я тебя мертвую под венец притащу и мужу будущему сдам! Будешь ему комиксы раскрашивать, — Тема заливался хохотом, зубами вскрывая пластырь. — Романтика! М-м-м-м... Все как ты любишь.

— Из романтики у меня пока только друг. И то он порой походит на того чокнутого из ужасика. Тебе, Тема, бензопилы не хватает для смертельного устрашения. Сейчас все просто в штаны накладывают, а с бензопилой — ты сможешь убивать одним своим появлением!

— Ладно, так и быть. Куплю бензопилу. Но только ради тебя, — Князев осмотрел результат своей скорой медицинской помощи, довольно кивнул... и лишь тогда поднял на меня свои серые глаза.

Они больше не были бесцветными. Как белый пепел. Они снова сочлились жизнью, только вот зрачки опасно пульсировали.

А значит... все только впереди.

И тут Тема отбросил аптечку и резко прижал меня к себе, зарываясь носом в волосы.

— Я чуть сам не сдох, когда увидел тебя в окно. Ален, я же из спортзала мог пойти другим путем! И тачку я сегодня бросил у центрального входа!

— Спасибо, — это все, что я могла ему сказать.

В руках Артема было тепло, спокойно и надежно. Мы так и стояли, слушая, как усиливается дождь. Крупные капли лупили по крыше машины, падали ему на спину, моча футболку.

— Тём, мне надо на работу, — шепнула я, разрушая этот миг тишины.

Князев дернулся, отстранился и поджал губы, а после перекинул мои ноги в салон, захлопнул дверь и начал обходить машину.

— Какая, мать твою, работа! Алеш, у тебя в руке дыра!

— А чего не отверстие? — я нервно хохотнула и попыталась открыть дверь, но Артем ударил по газам и вылетел с парковки, нарочно пролетев мимо Богданова и обливая его грязной водой из лужи.

— Мне плевать на твою работу...

— Это я знаю. Но проблема в том, что мне на неё не плевать!

— Ты вообще понимаешь, что могло произойти? — Тема достал из бардачка сигареты и закурил, а делал он это крайне редко! Почти никогда... Вернее, лишь в пики эмоционального стресса, чтобы просто занять руки.

— Я бы справилась! — шикнула и начала оттирать грязные коленки бумажными салфетками.

— Справилась бы она... Вы посмотрите! По яйцам зарядила бы? Да в тебе пятьдесят кило...

— Точно! — я вскинула пальцы и в воздухе очертила галочку. — Впишу в требования своего принца — должен весить не больше меня!

— Шутит она! — рявкнул Артем и резко повернул голову влево.

Мы стояли на светофоре, и рядом с нами поравнялась машина. Окна были опущены, а мужик отчего-то таращился на Тему.

— Шутит она... Вы представляете? — выкрикнул Князев. — Её чуть не изнасиловали, а она сидит и шутками в меня пуляет! Леди, бля, изо льда и титана!

Мужчина не оценил откровения Артема и первым сорвался с места, как только загорелся зеленый сигнал светофора. Странно, что он пальцем у виска не покрутил.

— Тебе нужно было позвонить и попросить отвезти тебя на работу!

— Ты говоришь так, словно я — твоя обязанность и повинность. Тем, ты пойми, что у меня должна быть своя жизнь! Я хожу на работу, я живу, в конце концов... Это могло произойти где угодно! У подъезда моего дома, у ресторана или утром на пробежке! И ты не обязан...

— Давай, Кушнир! Давай! — заорал Артём, ударив рукой по рулю. — Только попробуй это сказать вслух! Что я там не обязан? Помогать? Спасть? Защищать? Раз мы друг другу ничего не должны, какого хера ты меня выхаживала после травмы, пока мать была за границей? Выходит, ты мне тоже ничего не должна?

— Тем, разговор уходит не туда. Мы сейчас ссоримся, а не говорим. А это непродуктивно! — я успокоилась и взяла себя в руки. — Почему ты орешь? Почему злишься? Это не я на него набросилась... Это он караулил!

— Я злюсь, Алеша, поэтому что перепугался до усрачки! Я, бля, чуть Богу душу не отдал, когда увидел тебя на капоте под ним!

В салоне наконец-то повисла тишина. Густая, но уютная и понятная. Слышно, как по панорамной крыше стучит дождь, как журчат колеса по влажному асфальту, как дует кондиционер... и как тяжело дышит Артем.

— Они правы, а мы нет, — выдохнула я. — Ты слышал, что он говорил? Слышал?

— Это пьяный и обиженный мужик. С чего вдруг его слова должны для меня или тебя что-то значить? — всего миг, и Артем уже успел успокоиться, и голос его теперь звенел ровной струной.

— Значат, Тёма... Значат, — я кивала, посматривая за окно. — Они все так думают.

Мне хотелось орать... Но я не стала. Стиснула зубы и похоронила эту лишнюю эмоцию в себе. Если сорвусь — следом полетит и Князев, и тогда мы точно ни до чего не договоримся. Разоремся, подеремся — плавали, знаем.

— «Подстилка Князева»... Это то, о чем все шепчутся. А не говорят лишь потому, что ты зашибешь любого. Но они все так думают! Возможно, парни и не думают, там и Лютаев с Савиным могут прессануть. Но вот мои девчонки... Да что девчонки? Наши друзья, с которыми мы жили в спортивном интернате, так думают!

— Не передергивай, Ален. Они могу думать о том, что мы иногда трахаемся, но подстилкой тебя точно никто не считает.

— Никто не верит в нашу дружбу, Тём, — шепнула я, когда силы окончательно покинули меня. — А после вчерашнего поцелуя в неё не верю даже я.

— И что же это тогда? — усмехнулся Артем, паркуясь возле ресторана «Римини».

— Привычка. Дурная и вредная привычка... Я всех мужиков мерю по тебе. А ты в мимолетных связях погряз. Мы портим жизнь друг другу...

— Алён, послушай меня, — Артем сжал мою руку и ласково прошелся подушечкой большого пальца по ладонке.

— Нет, это ты послушай, — я стерла слезу и повернулась к своему самому лучшему другу. — Ты был прав... Если выбирать между интрижкой и дружбой, то я выберу дружбу. Но... Если все они правы, то мы обречены. Будем дружить до старости? Искать отражение друг друга в иных?

— Понесли сандалии Витю, — ухнул Артем и резко затянулся сигаретой, буравя взглядом рубиновый кончик. — Предложения будут? Или просто погорюем, что я женщиной не родился... Или ты мужиком не вылезла?

— Мы в клетке, Князев. В долбаной клетке... Один звонок, и мы прибываем на место несения службы под названием «друг». Но тем самым мы не даем жизни друг другу... Понимаешь?

— У меня по русскому пятерка была, — буркнул Артем. — Вот только на этот курс гребаной философии я билеты не покупал!

— Да не философия это, а правда. Знаешь, есть теория, что люди видят своё отражение в зеркале иначе от того, как видят его другие. Для самих себя мы красивые и правильные.

Артём замолчал... И это стало последним ударом.

— Если я скажу, что мне плевать на мнение других, ты сейчас, конечно же, не поверишь? — хмыкнул он.

— Почему? Поверю... Мне тоже плевать. НО! Вдруг они правы? Ну, есть же вероятность?

— Ну, давай поругаемся, а через пару недель на мизинчиках помиримся?

Я улыбнулась и устало уронила голову на сильное плечо... Слышала и биение его сердца, и вбирала тепло кожи даже сквозь мокрую футболку, вдыхала запах. И Князев тоже сломался.

Послышался щелчок ремня безопасности, шорох одежды, и горячие ладони опустились на мою спину и плечи. Он окольцевал... Крепко, властно и надежно. Так, как умел только он. Тёма ткнулся носом в мои влажные волосы, втянул воздух, задержал на мгновение и выдохнул, согревая макушку.

Мои слова сильно противоречат действиям. И, наверное, сейчас нужно оттолкнуть не его, а саму себя. Но это не поможет. С Князевым можно только договариваться.

Но Тёма напрягся ещё до того, как я открыла рот. Он усилил объятия, я почувствовала, как его пальцы смяли худы. Он словно защищал от моих же бредовых мыслей.

Сделав усилие, я упёрлась ладонями в его грудь и мягко оттолкнула, восстанавливая дистанцию и способность дышать.

— Две недели, — выдохнула я. — Тём... Давай забудем друг о друге на две недели?

— Я не понял, он тебя по голове треснул, что ли? — Князев схватил меня за хвост и оттянул назад, заглядывая в глаза. — Кукуха уехала? Мы с тобой, когда подрались в шестом классе, и то не разговаривали девять часов... А потом я достал шоколадное яйцо и задобрил тебя, буку. Две недели? Кстати, почему мы подрались, не помнишь?

— Ты сказал, что в куклы играют только дуры, — прыснула я смехом.

— А ты сломала мой лего-домик! — Тема вскинул бровь и усмехнулся. — А я его с отцом месяц строил!

— Ты знаешь, что я права. Знаешь, — я улыбнулась и ласково прошлась пальцами по его руке от локтя до ладони. — Мы с детства спали в одной кровати у нас на даче. Плескались в речке голышом. А когда у меня была ветрянка, ты чесал мне болячки. Пока мама не видела.

А через неделю это уже делала я. Нас вместе отдали в спортивный интернат... И даже там мы не отлеплялись друг от друга. Это клиника, Князев.

— Боже, какой бред, — Артем ударил головой в кожаный подголовник и вскинул глаза к панорамному потолку. — Но проблема в том, что я слишком хорошо тебя знаю. И если эта мысль уже пришла депешей в твой мозг, то хрен её оттуда вытащишь. Давай, озвучивай... Что ты там придумала?

— Нейтралитет... Никаких звонков, встреч и ночевок друг у друга, — я с силой выталакивала слова, а они рвали наживую... И боль та была почти физической, ощутимой, настоящей.

— Какой бред, — протянул Князев и снова закурил.

— Мы, Тём, сиаамские близнецы.

— А если... — начал было он, но я тут же перебила.

— Я должна справляться сама. И я справлюсь...

— А если не справлюсь я? — Князев хмыкнул и посмотрел в глаза.

— Всего четырнадцать дней. А если кто-то не справится, то получим диагноз — у нас с тобой огромные проблемы, Князев! И уже будет глупо прятаться за красивым словом «дружба». Неудобно будет под одним зонтиком.

Артём не моргал... Смотрел на меня прямо, а в глазах такой буран лютовал! И злость, и обида, и упрямство... и желание отдать приказ, потому что может, потому что имеет право... и потому что я подчинюсь.

Он боится потерять контроль. Надо мной? Выходит, что так...

А чего боюсь я?

Остаться наедине с этим миром?

Мы молчали. Но Тема первым отвернулся, уставившись на лобовое стекло, по которому текли дождевые ручейки.

И вдруг... В тишине что-то гулко грохнуло, а серое небо рассекло длинной рваной молнией.

— Две недели? — протянул он и снова затянулся сигаретой.

— Две...

Тема резко ударил рукой по панели, и салон оглушило щелчком разблокировки дверных замков.

— Ну, иди, Алёша, — коварно улыбнулся он. — Твоё время пошло... Тик-так.

Я рывком открыла дверь и вылетела под стену дождя. Но не чувствовала ничего...

Слышала хлопок, рык двигателя и шорох колес, когда Артем сорвался с места, размытаясь в серой пелене дождя.

Вдох... Но он не достиг цели.

Тишина в эфире. День первый...

Но уже невыносимо больно!

Глава 8

День тишины первый. Ломка.

Проснулась от звона будильника.

Распахнула глаза и машинально потянулась к телефону.

В утренней темноте вспыхнул экран телевизора, выставленный по таймеру, зазвучала мелодия музыкального канала.

Всё вроде как всегда...

Да нет, не все.

Пальцы застопорились над экраном смартфона, а я дышала, как собачонка, поймав себя на бессознательном движении!

Я уже готова была написать: *«Доброе утро, ленивая задница! Не забудь, что сегодня у тебя массаж!»*.

Но было ещё кое-что необычное в этом утре... К моменту пробуждения меня обычно ждала стопка уведомлений. Парочка мемов, какой-нибудь ролик или ссылка на городскую афишу.

Но сегодня меня ожидали сводка погоды, напоминание о тренировке и сообщение от владелицы ресторана, в котором меня поблагодарили за внеурочные часы на обслуживании вчерашнего стихийного банкета.

Внутри все умерло... и похолодело. Я отбросила телефон и натянула одеяло до подбородка, наивно пытаюсь согреться. Но ничего не вышло...

И в теле вдруг образовалась какая-то фантомная блуждающая боль. Это как навязчивая мысль, которую ты забыл... Что-то нужно сделать, но ты не помнишь! Слоняешься по квартире, ищешь напоминание, напрягаешь мозг, но ничего не выходит!

И лишь в мозгах стучит: *«Сделай! Сделай! Сделай!»*.

— Это будут увлекательные две недели!

Но я соскребла себя с кровати и отправилась выполнять нечто обычное и незапрещенное: душ, завтрак, сборы.

И вот я уже на улице и шагаю в сторону университета.

Вон все мысли! Вон все страхи! Нужно сконцентрироваться на важном!

На том, от чего зависят моя жизнь, моё будущее... А в частности – нужно найти способ восстановиться на учебе. Пока завтракала, наткнулась в студенческом чате на новость, что сегодня с больничного выходит наш декан.

В попытке не думать об Артёме, я перед сном разбирала свою новую реальность.

И картинка была совсем нерадужной...

Если Марина продаст квартиру, и у меня появятся деньги, то что мне делать?

Покупать комнату на отшибе? Или квартиру в ближайшем пригороде? Но этих денег может не хватить. И что дальше? Ипотека? Но кто мне ее даст без нормальной работы? А кто мне даст нормальную работу без образования?

И уже в полудреме я решила с самого утра идти в деканат и умолять о помощи.

Чем раньше я это сделаю, тем лучше!

Университет встретил меня привычной суетой... Пахло кофе из автомата, миксом парфюма ещё свежих и бодрых студентов и легкостью молодости.

Вот только я себя что-то не очень-то и чувствовала легкой и молодой. Тяжёлой и старой – да. Это точно про меня.

Шла по ступеням и нервно скользила пальцами по перебинтованному запястью. Я лишь дома обнаружила, что мой разодранный браслет остался у Артема.

И теперь нет ни браслета, ни Артёма... Класс, Кушнир! В один вечер потерять сразу две ценности.

Подойдя к стенду расписания, я пробежалась по предметам, высчитывая, в какой аудитории сейчас мой куратор, а когда нашла, то припустилась по лестнице вверх.

— Алёна? — удивился Геннадий Петрович, заметив меня в дверях аудитории. — Проходи... Проходи скорее!

— Добрый день, — я смущенно вошла и прикрыла дверь, чтобы сбавить уровень шума. — Геннадий Петрович, мне очень нужна ваша помощь.

И раз уж я пришла за помощью, то глупо строить из себя рембо всесильного. И я вывалила на него все, что случилось за последние полтора года, а закончила откровением про сестру и возможность остаться без крыши над головой.

— Невесело, Кушнир. Невесело... — протянул куратор и закусил дужку очков.

— Да, веселого в моей жизни мало.

А от последнего я и вовсе отказалась добровольно.

Идиотка!

Но с другой стороны... Это всего четырнадцать дней! Какие-то жалкие две недели. Да и первый день уже скоро закончится. Я подняла руку и посмотрела на часы. Десять утра... Ну, почти скоро.

— Но я думаю, что смогу тебе помочь, — вдруг произнес Геннадий Петрович, которого мы за глаза называли Крокодилом Геной.

У мужчины были крупные черты лица, большой рот... И когда он улыбался, то становился похожим на добряка из мультика.

— Тут директива свысока пришла о популяризации спорта среди студентов. А ты у нас кто? И тренер, и руководитель танцевального коллектива, — задумчиво протянул он. — На базе университета создали три команды: футбол, баскетбол и...

— Шахматы? — рассмеялась я. — А что? Гениально... Группа поддержки на шахматных турнирах. И почему никто не додумался?

— Как же я по тебе скучал, Кушнир, — Геннадий Петрович рассмеялся, а когда в аудиторию начали вползать сонные студенты, то он толкнул меня к выходу.

Я засуетилась, не понимая, как расценивать это движение. Но Геннадий Петрович быстро дал задание студентам, а после вышел следом за мной.

— И волейбол, — закончил он мысль, с которой я его сбила. — Хоккей уже есть, и твоя группа поддержки у всех на устах. Все видят ваши танцы и качество работы. И вчера на совещании промелькнула идея о создании своего коллектива. Вот ты этим и займешься!

— А мы куда идём?

— К ректору...

— Стоп, — я затормозила прямо в коридоре, благо тут было пусто. — Я уже обращалась за помощью. Но мне сказали, что о бюджете я могу забыть... А восстановиться только в следующем году.

— Идём, Алена, — Геннадий Петрович подхватил меня под локоть. — Я никогда не пользовался своим положением и правом голоса. Но думаю, ты заслужила немного поддержки. Хоть одна хорошая новость должна направить твою жизнь в нужное русло. Но... говорю сразу — ты должна будешь догнать программу. На сессии поблажек не жди!

— Геннадий Петрович, я вас не подведу! — я едва сдерживалась, чтобы не запрыгать от восторга. Кусала щеки, язык, лишь бы не спугнуть удачу, потому что одно дело — слово куратора, а другое дело — вердикт ректора.

— И не сомневаюсь, поэтому и помогаю...

И все закрутилось так стремительно, что я порой реагировала с большим запозданием. То смеялась невпопад, то замирала от водоворота новой информации. И более-менее очнулась

лишь в зале библиотеки, ожидая нужный перечень учебников. Таращилась на свой студенческий билет, ковыряла ноготком старое фото и глупо улыбалась.

Ну вот! Мама всегда говорила, что у всего в жизни есть катализатор. Из ничего даже прыщ не вылезает! И моими катализаторами стали поцелуй, Богданов, Марина и Князев.

Я же ещё вчера не думала о том, что можно идти не к ректору, а взять ступень чуть ниже. А сегодня, гонимая отчаяньем и желанием выправить свою жизнь, стою и переписываю расписание лекций.

Чудеса?

Было бы чудеснее, если бы рука сама не тянулась к телефону. А ведь я даже фото студика сделала, но затормозила, когда уже прикрепила снимок к сообщению Артему.

— Нет! — шикнула и убрала телефон, всерьез обдумывая, чтобы удалить его номер.

С другой стороны... Я его наизусть помню.

Но если на меня нападет маньяк, а с моим везением это может произойти даже в библиотеке, и я начну звонить Князеву... А ведь точно начну ему звонить! То как-то будет неловко просить паузу, чтобы натывать одиннадцать цифр.

Дальше день прошел без сюрпризов. Репетиция, тренировка с малявками, ресторан и пять часов беготни с тяжелым подносом.

— День закончен, и я выжила, — буркнула под нос, когда выходила из ресторана.

На часах уже одиннадцать часов вечера, но из приятных новостей — лишь вовремя закончившийся дождь.

Хороший день... И новостей позитивных сегодня куда больше.

Перескакивая через лужи, вышла на остановку, и тут... из тьмы вырвался серебристый внедорожник. Я отшатнулась, не сразу сообразив, что делать: орать, бежать или сделать вид, что ничего не случилось. Но окно зажужжало, являя хитрую мордочку Машки, а за ней сидел Илья Лютаев.

— Алеша, Лешенька, сынок! — пробасил Илья и перегнулся, открывая для меня заднюю пассажирскую дверь. — Запрыгивай давай, пока снова ливнем не смыло.

— Вы откуда? — я как-то по инерции запрыгнула в салон и тут заметила приближающийся последний автобус. И тело подало назад, но Лютаев вовремя схватил мою руку и затащил в салон.

— Мы подвезем. И я настаиваю, Кушнир, — сухо и резко выдал Илья.

— Аленка, — Машка перекрутилась на кресле и обняла меня. — Ты как? Давай, рассказывай? Парни говорят, ты приготовила новую программу на игру?

— Ага... Теперь вот молюсь, чтобы никто ноги не переломал, потому что программа получилась сложной. Но зрелищной...

А дальше информация и новости лились из меня, как вода. Рассказала и про университет, и про то, что теперь нужно набрать студенческую группу поддержки и поставить им танец. Меня разрывало от новостей, которые я обычно выкладывала Князеву. Но сегодня пришлось грузить других людей.

За нашей с Машкой болтовней я и не заметила, как мы добрались до моего района.

— А вы чего тут так поздно? — я нахмурилась, следя за реакцией друзей.

— Мы в кино ходили, — спокойно ответила Маша, а после перевела взгляд на Илью.

— Допустим, — я стерла с лица подозрение, чтобы не обижать друзей. Ведь ближе них у меня точно никого больше нет.

— А перед этим мы были у Савина. Стоит опять под окнами, Малышку свою караулит. Дождь льёт, а он стоит, придурок упоротый, — пробурчал Илья, и желваки на его скулах забились в ритме ламбады.

В салоне повисла тишина. Кто бы мог подумать, что лихач, бабник и вечный весельчак Макс Савин станет героем современной версии про Ромео и Джульетту? С родительским запретом, кражей и осадой квартиры, в которой прячут его принцессу?

Да мы все были в шоке! И не знаем, от чего больше... То ли потому что наш Максик так крепко влюбился, то ли от ужаса, что в современном мире ещё действуют запреты.

— Если я спрошу, почему птенцы-неразлучники ходят гордые, свободные, но унылые и одинокие – ты мне ответишь? — тихо прошептала Машка, когда Илья отвлекся на зазвонивший телефон.

Новик перевернулась с переднего кресла не как обычно, к центральному туннелю между рядами, а к боковому окну, чтобы Илья не услышал.

— Илюш, я слышала, у вас будет бой послезавтра? — я не стала отвечать и переключилась на Лютаева.

— Ага. В клубе будет бой года, а перед ним на разогреве выбежим мы, — Илья кивнул, машинально крутя рулем и щелкая поворотниками.

В нашем городе была знаменитая троица бизнесменов. Все их знали... Игорь Князев, Евгений Савин и Никита Лютаев – троица неразлучников, которым принадлежали бары, рестораны, клубы, заводы и пароходы.

Все их уважали, боялись или остерегались.

Но для меня они с детства были дядьками. Добрыми, веселыми и безмерно любящими свою семью. Да-да... И семьи их были такими же неразлучными, и сыновья сдружились так, что никто не разлепит. Тема, Илья и Макс даже в хоккей вместе играли, несмотря на разницу в возрасте.

А ещё этим семьям принадлежал бойцовский клуб «Час до рассвета». Бои, шоу, танцы и полное погружение в темную субстанцию ночи с её пороками и инстинктами. Там парни и сбрасывали напряжение, потому что с детства торчали в клетке октагона.

— Савину нужно спустить пар... А то пытит, как самовар. Сегодня на тренировке чуть душу из меня не вытряс, придурок. Мулин даже его отстранил. Если дальше так пойдет, то и до игры не допустит.

— Что... Его Таня так и не одумалась? — я сжалась, и тоска все же пробила меня насквозь.

Дура... Савин землю роет, ищет свою девушку, которая так внезапно пропала, а я...

Да что я? Всего четырнадцать дней. Я никуда не пропала. И Князев никуда не пропал. Мы рядом. И это просто пауза в терапевтических целях.

Да и не девушка я ему!

Но... с друзей спрос больше. Девушки могут психануть, чтобы привлечь внимание. Их истерики прощаются, а потом смываются страстным сексом. А вот настоящий друг не имеет на подобные вольности права.

Боже, Кушнир! Этими проповедями ты доведёшь себя до дурки!

Все живы и здоровы. А две недели паузы ещё никому ногу не отгрызли.

Я невольно вздрогнула, заметив, что мы уже стоим у моего подъезда.

— Нашлась Малышка, но под охраной родителей. Ладно, Алёшка, идём, раз уже тут, то провожу тебя, — Илья вышел из машины, но глушить двигатель не стал.

Мы с Машкой обнялись, договорившись завтра пообедать в Ледовом.

Илья, и правда, довёл меня до квартиры и не ушел, пока я не закрылась на все замки. И лишь тогда по подъезду загрохотали его прыжки по ступеням. Князев тоже всегда ходил пешком, игнорируя лифт.

Ан нет... Мой прогресс уничтожен одной мыслью. Опять Князев... И даже тут!

Глава 9

День тишины третий... Взрывной!

Инстинкты... Инстинкты... Или просто привычки!

Вот что омрачает жизнь человека. Сигареты, кофе, алкоголь, бесполезный треп и любовь к сплетням. Мы привыкли ходить одним маршрутом, покупать одни и те же продукты, пить один и тот же чай.

Да, привычки тоже делятся на деструктивные, губительные и полезные, продлевающие жизнь. Но факт остается фактом. Человек с каждым годом обрывает ими, как панцирем.

А в моём случае я привыкла к тому, что не одна...

А я не хотела жить по привычке! Не хотела дружить по привычке... И мучить родного человека, лишая его права на личную жизнь лишь потому, что мне с ним хорошо и комфортно, я тоже больше не хотела.

К третьему дню нашей «тишины в эфире» эта мысль стала четкой и ясной. «Я» ушло на второй план, и думала я лишь об Артёме.

— Возможно, ты и права, Алёна...

Моя подруга Тома Разина выпрямилась и изучающе посмотрела на меня.

— Конечно, я права!

Томочка любезно согласилась помочь мне после тренировки подготовиться к домашней игре. И вот мы уже битый час ползали по трибунам, рисуя баллончиками разметку на ступенях, где должны стоять девочки.

— Ничего криминального не случилось же... Это как в детстве, двух шептунных отпрысков растаскивают по разным углам комнаты, и драки сразу прекращаются. А через час им до ужаса хочется сойтись и снова начать играть.

— Том, это другое, — я отмахнулась от подруги и, перескакивая через свежие линии, перешла на соседний ряд.

Сначала меня бесило, что все воспринимали моё решение как прихоть неразумного ребенка. А сейчас я была этому даже рада. Пока никто не копает глубже, мне не нужно и самой нырять в болото.

— Тогда расскажи! — Разина подскочила ко мне, схватила за руку и повернула к себе. — Кушнир! Расскажи... Я же вижу, что тебя что-то мучает!

— Ты когда Князева с девушкой видела? — зашептала я, смотря подруге в глаза.

— Давненько, — Тома задумалась и начала растирать кончик носа. — Слышала многое... И с Люськой на взлётку на прошлой неделе они гоняли. И с Дамировой как-то встречались... Но видеть — не видела. Ты на что намекаешь? Что девки врут?

— Нет, Том! Девки не врут! Но это потрапушки... А я тебя про отношения спрашиваю. В отношениях ты Князева когда в последний раз видела?

— Лет пять назад, — Тома осела в кресло и растерянно посмотрела на лёд, по которому каталась заливочная машина. — Алён, хватит говорить загадками! Скажи прямо?

— Ему не нужны отношения, пока я рядом, — подытожила я. — Есть с кем поговорить, семья его меня знает с самого детства. Я полностью закрываю потребности вне физического поля. И это подло! Знакомясь с новой девушкой, он по умолчанию рассматривает её как сексуальный объект.

— А ты? — Тома от удивления открыла рот.

— Со мной все то же самое, — я отмахнулась и черкнула последнюю метку. — Не любишь хоккей? Пофиг... Я с Князевым схожу. Ненавидишь спортзалы? Ну и ладно... Я с Князевым в воскресенье пропотею. Полку не умеешь повесить? Ничего страшного! Ведь у меня есть Князев! Это я молчу, что он с закрытыми глазами выбирает мне подарки на все

праздники. Никогда не забывает про цветы к восьмому марта. И встречается после работы, чтобы я не ездила одна по темноте!

— Алёна-а-а-а... — протянула Тома и закрыла ладошкой рот.

— А про себя рассказать? — я вошла в раж, и слова вылетали из меня залпами всех орудий. — Могу смотреть турецкий сериал и не глядя массировать его надорванные мышцы! Я из сотни женщин определю ту, которая ему понравится. А иногда мы общаемся взглядами, потому что слова – лишняя физическая нагрузка! Ну? Я до сих пор кажусь тебе идиоткой?

— Вы влипли, — подытожила Тома.

— Ещё как!!! — взвизгнула я и со всей дури затопала по ступенькам, а после и вовсе начала носиться вверх-вниз, чтобы выпустить пар. — И все это мы делали неосознанно, по привычке! По утрам сообщения, вечером разговор, в обед встреча... И так по кругу!

— А сколько вы знакомы?

— Меня родители удочерили, когда мне было три года, а Тёме было семь. Вот с тех пор и не расстаёмся.

— И что? — Тома подскочила ко мне, обхватила за плечи, посмотрела в глаза, требуя ответить на вопрос честно. — Вы правда ни разу не целовались? Никогда не хотелось чего-то большего? Или, засыпая с ним на одной полке плацкарта, ты не чувствовала эрекции?

— Нет, Тома! Нет! — заскулила я и осела на ступеньку, роняя голову на руки. — В том-то и дело, что нет! Мы никогда не переходили эту черту. Могли бурно обсуждать секс с нашими партнёрами, пулялись шутками. Но у нас даже мысли не было представить друг друга в этой роли!

— Вы... вы привыкли дружить? — выдохнула Разина и крепко обняла меня.

— Привыкли. А на встрече выпускников всё пошло через задницу... Оказалось, что ВСЕ были уверены, что раз, да мы с Князевым оказывались в постели. Том, да ты бы видела их лица! Там такой шок читался, что мне даже неловко стало... Это как немое осуждение: «Ты что, не смотрела Титаник?». И так сразу глянуть этот фильм хочется...

— Дела-а-а-а...

— Я не хочу портить ему жизнь, Том. Не хочу. Ты знаешь, какой он? Добрый, ответственный, сильный! Да он достоин самой лучшей девчонки!

— А может, он достоин тебя? — задумчиво протянула Тома и сразу выставила руки, дав знак, чтобы не перебивала и выслушала. — Алён, я не хочу разбирать, отчего твоя самооценка лежит в районе плинтуса. Давай по фактам? Тебя же прошиб его поцелуй... Ну, признайся!

Но вместо ответа я упрямо мотнула головой, не желая признаваться в этом вслух.

— Ваша совместимость очевидна в бытовой части жизни. И вы никогда не проверяли физическую сторону вопроса. Но, судя по твоей реакции, там тоже не все так плохо! Быть может, есть над чем подумать?

— Я не хочу думать под давлением общественности. Это даже выглядит по-идиотски! Это как если кто-то скажет, что у тебя нос большой... И ты, как дура, смотришь в каждое зеркало, пытаясь опровергнуть или принять этот факт. Я не так хочу...

— А как ты хочешь? — Тома обняла меня со спины и поцеловала в щеку. — Чтобы он на белом коне и с букетиком? Чтобы серенады? Чтобы добивался? Алён, ты права лишь в одном – вы слишком хорошо друг друга знаете, чтобы пускаться в саморекламу. Вот это точно выглядит глупо!

— Глупость – наш с тобой разговор. А Князев уже все сказал, — я в ответ приобняла подругу, а после вывернулась и начала собирать вещи. — Он четко определил, что между отношениями и дружбой он выберет дружбу. Я, кстати, тоже...

— Тогда я вообще не понимаю, чего вы друг от друга хотите? Ну, начните дружить с сексом. Это тоже приятно, полезно и продуктивно...

Дальнейшую мысль Разина не продолжила, потому что на верхней площадке трибуны появилась Кристина Савина.

— Алена!!! — взвыла тётя Кристина. — Боже, как хорошо, что ты здесь! Я уже собиралась звонить.

— Я уже ухожу, Кристина Александровна. У меня сегодня единственный свободный вечер, — толкнула Томку, и мы побежали наверх.

— Как это свободный? — Савина задумалась, и её взгляд потемнел. — Ты что, не идешь на бой? А что происходит... Вы с Князевым поругались, что ли?

— Всё хорошо, Кристина Андреевна, — поспешила успокоить я Савину. — Вы что-то хотели?

— Да, — тетя Кристина лишь сделал вид, что поверила мне. — Сегодня в клубе бой года. И, как выяснилось, нам катастрофически не хватает официантов. Ты не могла бы меня выручить? Я за тобой закреплю ВИП-зону, да и по оплате не обижу.

— Да, конечно... Я буду.

— Спасибо, Аленушка!!!

У меня и в мыслях не было отказать. Эти три семьи давно уже стали частью моей жизни. И если им нужна была моя помощь — я всегда выручала.

Вот и сегодняшний вечер, который я планировала провести под одеялом и с учебниками, закончился в бойцовском клубе «Час до рассвета».

Я была тут частой гостей. А раз в месяц Артём, Савин и Лютаев тащили меня в октагон. Их сверхидеей было научить меня защищаться...

Но, вспомнив чувство беспомощности под натиском Богданова, я решила, что в следующий раз лучше учиться не защищаться, а сопротивляться.

— Кушнир! Сколько лет, сколько зим! — махнул менеджер зала, когда я вышла из раздевалки, уже экипированная в привычную мне форму.

Бой сегодня был долгожданным. Собрались все сливки города... Потому и тема оформления была провокационной. Официантки щеголяли в костюмах черлидерш, а октагон перед боем превратился в сцену для сложных акробатических номеров.

Клуб был мне знаком до малейшего закутка. Я лет с шестнадцати тут подрабатывала, когда мама приходила дежурить на бои как доктор. Я таскала подносы, стояла за барной стойкой, практиковалась на кухне, даже в звуковой будке сидела, играя с освещением и музыкой.

Вот и сейчас я довольно быстро все вспомнила.

Работа в ВИП-ложе была спокойной и прибыльной. А деньги мне сейчас были очень нужны. Вот я и старалась. Улыбалась, была внимательной... И так увлеклась, что не заметила знакомую фигуру в октагоне.

Часто перед боями развлечь публику высказывали «наследнички», а именно Лютаев, Савин или Князев. Многие зрители вообще приходили посмотреть только на них, в основном это были девушки... Но, как говорит тетя Кристина, этот маркетинг тоже имеет место быть.

Вот и сейчас по рингу носилась знакомая фигура.

Савин...

От этого вида у меня сжалось сердце. Он завывал и так лупил руками и ногами, разбираясь со своими противниками, что даже мне поплохело. И дело не в кровожадности, а в том, что Максим словно пытался выплеснуть боль потери... Но ничего не получалось.

Он метался потеряннным львом. И силы есть, и семья у них хорошая, и деньги водятся, а забрать свою принцессу не может! Нет справедливости в этом мире.

— Привет, — хриплое приветствие застало врасплох, и я чуть не выронила поднос.

— Привет, — кивнула и продолжила бег по ступеням в сторону бара. — Кирилл, сделай три кофе?

Я запрыгнула на барный стул, ощущая, как на затылке приподнимаются волоски от резкого выдоха моего преследователя.

— Убегаешь, Алёша? — прошептал Артём и выбросил правую руку, чтобы перекрыть мне путь отхода. — А как же вежливость? Как же протокол дружелюбности?

— Артём, привет, — я натянула улыбку и крутанулась на табурете, оборачиваясь к Князеву. — Прекрасно выглядишь! Очень сексуально... Я давно говорила, что тебе идут водолазки. Они всем красивым мужикам идут...

Злость на идиотизм ситуации трансформировалась в глупость! А глупости во мне было с лихвой... И выходила она с резкостью слов. Вот только они не пугали и не обижали Артёма.

Наоборот... Он широко улыбнулся и выбросил левую руку, стиснув край барной стойки, чтобы окончательно обездвигить меня.

— Как поживаешь?

— Благодарю, все отлично, — рассмеялся он, чуть качнувшись. И на миг его лицо замерло в паре сантиметров от моего, Тёма прищурился, вгляделся в глаза и усмехнулся. — Нет, Кушнир... В глазюках твоих до сих пор ни проблеска совести. Бросила своего дружочка? А я вот спать не могу, есть не могу... Все о тебе думаю! Как там моя Алёша?

Внутри все сжалось... А потом хлопок, и тепло побежало по рукам и ногам. А ещё дурымурашки заскакали по позвоночнику, вызывая желание потереться спиной о стойку, как медведица о ствол дерева.

Но... это замешательство длилось недолго.

Я не сразу обратила внимание на оживление за спиной Князева. И лишь когда длинные, как у Росомахи, когти заскользили по тонкому кашемиру водолазки Князева, я все поняла.

— Тёмочка, привет! — потянулся ласковый голосочек.

Князев дернулся и попытался заглянуть за спину, но девчонка, опутавшая торс, так тесно прижалась, чтобы мы оба не могли её рассмотреть.

— Миленький мой! Я так по тебе соскучилась! А почему ты не дерешься сегодня?

— Кто там пищит? — прорычал Артем и крутанулся, цепляя блондинку за ворот розового кропа.

Девчонка сияла... Такой восторженной улыбки я давно не видела. Она же тарасилась на него, как на божество! С любовью, нежностью, желанием!

— Ли... Та... Ка...? — Артём нахмурился и, пока пытался вспомнить имя барышни, проквашал вспышку, девчонка прильнула к нему, но уже спереди. Вцепилась, прижалась щекой к груди и затихарилась, крадя момент близости, пока не обломали. А Князев уже был близок к грубости!

— Илона, — мягко напомнила девочка, совершенно не обиравшись. А вот судя по взгляду Артёма, ясности эта информация не прибавила.

— Илона, прошу прощения, но я забыл, когда это стало нормой — липнуть к чужим мужчинам? — вдруг выдал Артем и попытался оттолкнуть от себя девчонку.

От внутреннего тепла не осталось и следа. Пропало это странное чувство, растворилось. Зато любопытство снова взыграло... Пока Кирилл готовил кофе, я решила не сбегать и понаблюдать за развитием событий.

Князев не подонок... Нет. Но судя по его выражению лица, девчонку он эту точно не знал. Да Артём никогда и не встречался с блондинками. С ним всегда были высокие брюнетки... А эта мелкая, липучая и наглая! Полная противоположность тому, на что западает Артём.

— Всё чужое рано или поздно становится моим, — проблеяла осмелевшая или даже охамевшая девчонка.

— Оригинальный подкат. Девушка, если вы не хотите увидеть шоу с охраной, я рекомендую отойти от меня, — прохрипел Артем и бросил в меня умоляющий взгляд.

Но нет... Сегодня, дружок, справляйся без меня.

— Артём...

— Илона, да отойдите от меня! — взвыл Артём и снова подхватил девчонку за капюшон, пытаясь оторвать от себя, как рыбку-прилипалу. — Отойдите! И дайте мне уже договорить с моей девушкой...

— С де-де-девушкой? — девчонка распахнула огромные голубые глаза и отшатнулась.

И если раньше все происходящее вызывало смех, то последние слова Князева лупанули под дых. И на этом он не остановился. Правая рука, лежавшая на барной стойке, вдруг опустилась на моё колено, а после взмыла вверх...

Ладонь не просто ошпарила заднюю поверхность шеи, нет... Князев буквально стиснул меня, а после потянул на себя, и через секунду наши губы сомкнулись воедино.

Выдох... И горечь кофе, табака, мяты от его любимых карамелек – все купажом осело на кончике моего языка. Но Артём и это стер!

Он воспользовался моим удивлением, углубил поцелуй и так грубо втянул мой язык, что я чуть не задохнулась!

Мою попытку сопротивления погасила левая рука, опустившаяся на поясницу. Князев вклинился между моих ног, полностью парализуя, как физически, так и морально.

И вот опять тот поцелуй, от которого голова идёт кругом, и птички поют.

Это не стрижи заунывной мигрени. Нет! Это как в сказке про Белоснежку и семь гномиков.

Чирик-чирик... Чирик-чирик...

Уехала кукушечка, Кушнир.

Потом я выгнулась, прижимаясь к Князеву грудью и впуская его горячий язык ещё глубже.

И вот он уже расслабился... Уже придумал, как обсмеет эту ситуацию, и попытается помириться и заставить забыть глупое недоразумение с требованием двух недель одиночества.

Но тут... я кляцнула зубами и замерла.

А когда девчонка скрылась в толпе, я выпустила пленника и отстранилась, яростно шепча в губы Артёму:

— Ты охренел, Князев? А может, ты меня трахнешь на виду у всех? Тогда и бабы тебе на шею вешаться не будут... А что? Я готова на все, чтобы прикрыть своего друга!

— Алёшка рычит... грубит! Чуть язык не откусила, — зашептал он, медленно зарываясь пальцами в мои волосы. — А в глазах до сих пор ни намёка на стыд и совесть.

— Отвали, Князев! Обернись! Да тут каждая вторая готова тебе тигрицу отыгрывать! Ты только попроси! А вот ко мне в рот лезть не нужно!

— Ещё скажи, что тебе не понравилось? — Артём вскинул бровь и ткнулся своим носом в мой. — Давай, Алёша... Скажи правду. Ты же пытаешься разобраться во всем? Сильная, смелая, самостоятельная. Так давай разберемся в причинах моего срыва?

— Может, у тебя недотрах, Князев?

— Ответь! — Артём прищурился, и давление его пальцев усилилось. Он впивался и в затылок, мягко массируя корни волос, и в то самое местечко на пояснице, где копилась моя хроническая боль...

От удовольствия я чуть не замурыкала. Бедра дернулись вперед, а Артем сменил давление на поглаживание, унимая странные ощущения.

— Я, Алёша, тебя тоже знаю до малейшего писка. Вот сейчас, к примеру, у тебя опять болит спина. Поясница зажата, а стреляет наверняка в копчик. Но ты все равно носишься с подносом, — выдохнул он. — А ещё я знаю, что целовать тебе меня понравилось до мурашек... Я их на твоей коже, как вошек, передавил. Хлоп-хлоп-хлоп...

— Отвали!

— Не отвалою, Ален. Не отвалою... А что будем делать, если у нас методы разбора разные? Тебе нужны две недели тишины... А вдруг мне нужно целовать тебя, пока не пойму – понравилось или нет!

— Значит, не понравилось?

Я уловила оживление за спиной, услышала грохот чашек по подносу, и когда Кирилл вынырнул из-за колонны, я повысила голос:

— Кирюш, сделай Князеву американо!

Артем машинально расслабил хват, и я вынырнула из его рук, подхватила поднос и лишь тогда развернулась.

— Князев, иди целуй своих фанаток! Они липнут к тебе сами... Вдруг они делают это круче, чем я?

— Ну ладно, — Князев рассмеялся и отошел с моего пути. — Пойду языком помашу. Да?

— Да!

— С кого начать?

— Отстань! — я протиснулась мимо Артёма и притормозила. — Ты обещал мне две недели тишины! А вместо этого...

— Что? — Артём нагнулся и вновь впился взглядом.

— Артём, хватит... Ты делаешь только хуже!

— Да куда уж хуже? — он перехватил меня за руку и подтянул к себе, чтобы никто не услышал. — Хуже, чем быть без тебя — ничего и нет! Хотя-я-я-я... Хуже, чем повестись на мнение массы – ничего и быть не может!

— Артёшик, а вот снова засунуть язык мне в рот – это чье давление? Или всё же твоё желание?

Я с удовольствием наблюдала, как распахиваются глаза Артёма. Его то ли осенило, то ли ошарашило... Но за эту пришибленную морду я готова была простить даже этот несанкционированный поцелуй!

— Вот, Князев... Вижу, тебе теперь тоже есть над чем подумать! Поэтому вруби мозги и выключи инстинкты охотника! Я – не твоя добыча! Я – не девочка на одну ночь! Я – твой друг. Ну, или была им. Поэтому думай!

С этими словами я выскользнула из подсобки и унеслась к VIP-ложе.

Не будет уже как раньше... Ничего не будет!

Глава 10

День тишины пятый. Тоска-а-а-а... Тоскливая.

Князев

— Сегодня ты будешь встречать Кушнир у ресторана, — я ткнул пальцем в грудь Ваньки Добрынина, а затем снова вернулся на беговую дорожку. — И чтобы до квартиры её проводил!

— Есть, тренер... — Добрынин поиграл бровью, обменялся с Лютаевым взглядами, но продолжать разговор не стал.

— Может, уже расскажешь? — Илья занял соседнюю дорожку, а когда парни разошлись по снарядам, приступил к допросу. — От вас двоих в клубе искры летали! Савин вообще предположил, что вы трахнулись, и теперь делаете вид, что ничего не произошло.

— Не трахнулись, а поцеловались, — выдохнул я, внезапно провалившись в тот гребаный день встречи выпускников. — Пьяные придурки решили поиграть в бутылочку на фанты, и нам с Алёнкой выпал поцелуй.

— Ну ок, — Лютаев сбавил скорость тренажера, видимо, чтобы ногами не запутаться в рухнувшей челюсти. — А дальше? Переспали?

— Нет.

— Тогда я ничего не понимаю, — Илья прыгнул и выдернул стопор на моей дорожке, и она начала замедляться. — Ну поцеловались... И что?

— Вот и я думаю – и что? — увидел, что в зал вернулся Мулин, и только тогда зашагал к барной стойке, где стояли кулер и баки с кислородными коктейлями. — Вернее, думал... Пока на бою второй раз не поцеловал Алёну.

— Князев! — заржал Лютаев, но тут же осекся, когда я махнул кулаком.

— Хер знает, что на меня нашло, — и я снова не стал врать.

— Тёмыч, я тебя знаю столько же, сколько и Кушнир. И я вас обоих вижу, как на рентгене. Она стыдливо глаза отводит, ты темнишь. Просто скажи, как есть! А то мне хватает сбрендившего от горя Савина! — Илья с силой приложил меня кулаком в плечо.

Я осушил стакан воды и выдал всё, что случилось сутками раньше... И слова друзей по интернату, и то, что успел услышать от Богданова, пока не вырубил его к херам. Вот бы раньше успеть! Он бы тогда не произнес слов, которые убили Алешку.

— Подстилка Князя, — прыснул я и растер мокрые от пота волосы полотенцем. — Слова придурка какого-то попали в цель! Она теперь ходит и оглядывается, а в глазах посторонних ей людей ищет подтверждение его слов.

— Тем, — Илья шумно выдохнул и опустился на пол, утягивая и меня за собой. — Я, конечно, не ас в женской психологии, но если женщину что-то и может подкосить – так это задетая гордость. Богданов просто ударил по старым дрожжам, и забродило тесто.

— Да понимаю, — я уронил голову, уставившись в пол.

— Мы-то знаем, что между вами никогда ничего не было. Платоническая дружба. Да, Тёмыч?

Лютаев пихнул меня локтем, призывая посмотреть на него, но я не смог. Так и таранился себе в ноги, рассматривая желтые полоски на подошве кроссовок.

— Что, Князев. Выходит, тебя тоже пробило? И не слова... А поцелуй? — если бы Лютый посмеивался – я бы врезал ему и разговор закончил. Но нет! Илья говорил спокойно и серьезно, без намека на иронию.

— Пробило... — выдохнул, и мои плечи опали, словно тяжесть с них слетела. — Чёрт... Лютаев, ну какого хера? Почему я такой кретин? Мы ни разу! Ни одного разочка не ошиблись. Шли четко, ровно, не спотыкаясь. Да, спали вместе... Но я никогда не ловил себя на похабных мыслях, чтобы по-дружески скинуть напряжение или стресс.

— А теперь? — Илья вытянулся на резиновом покрытии спортзала и застонал от облегчения.

— А неважно. Я повторяюсь: выбирая между сексом и дружбой с Аленой, лично я выберу дружбу.

— Ну и правильно. Ведь в нашем мире все так просто. Выбирают друзей, любовниц, невест, жен. И главное — никто не ошибается! Все по разнарядке. Да, Князев? — лежа на полу Лютаев мог видеть мои глаза и смотрел... но без осуждения. — Ты, Тём, как дядя Игорь. Всё чётенько у вас должно быть... Буковка к буковке, правило к правилу. Потому и херово тебе сейчас. А наши с Максом бати те ещё опездолы. Гуляй рванина, херачь посуду — за все плачу! И нам попроще, когда рушатся планы и стратегии.

— Какая глубокая мысль, Лютаев... Записать бы.

— Да у тебя и мама ещё врач! Там вообще не до вольностей. Все по методичке, чтобы не угробить никого. Тетю Соню люблю и обожаю всем сердцем, но ты вырос слишком правильным. А свободным ты становишься лишь в октагоне, — закончил трогательную речь Лютаев.

— Ты к чему?

— Ладно, давай разжую... Попробуй с собой в октагон взять и Алёнку, а? Не в прямом смысле, а в эмоциональном. Ну, пусть немного помучается, пусть попробует — каково это — без своего дружочка-пирожочка. Да и тебе это полезно, чтобы оценить все, что у вас есть и было. Тёмыч, ты её оцениваешь как друга...

Илья сдернул бутылку воды, приложился и в два глотка ополовинил.

— Оцениваешь её по тем же критериям, что меня или Савина. Надёжные? Да... В разведку пойдёшь? Ессесенно... В дракупустишься? Да легко... Но она не дружан, а девушка. А к ним, братец, сложно применяются общепринятые критерии дружбы.

— Лютый, ты мне чего мозг полощешь? — я зарычал и поднял на друга глаза. — Говори прямо!

— Да посмотри ты на неё не как на друга, а как на ту, кого можно целовать не по выпавшему в игре фанту! — в ответном рыке выдал Лютаев, не спасовав, потому что не умел. — Глаза открой, мудака! Никто её подстилкой не считает — это я тебе гарантирую. Но дебилами вас считают многие. Такого совпадения порой люди веками ищут и умирают в одиночестве среди стаи кошек или собак. Она же паузу для того и взяла...

— Для чего?

— Выбор, Тём, это про стратегию. И если вы оба выберете дружбу, то она уже не будет прежней — вот увидишь. Не будет ночевок, телефонных разговоров и секретиков. Алена станет реже появляться у нас дома, начнёт избегать семейных праздников. И можешь забыть про блины по субботам и компрессы после боя. Вы оба выстроите дистанцию, оградитесь высоченным забором и караул будете нести круглосуточно, чтобы снова не сорваться и не наглупить! Только именно это и убьёт вашу дружбу...

— Цугцванг.

— Ну нет... Князев, у тебя полно вариантов для хода! — рассмеялся Илья и ударил меня по плечу. — Не переживай, а за Алёшей твоей мы присмотрим, пока ты в черном списке. Предлагаю, кстати, на днях навестить Богданова всей компанией. А то вдруг мудака ничего не понял с первого раза?

— Значит, ты тоже не веришь в нашу дружбу?

— Конечно, верю! Мы же выросли на одной лужайке! Верю, Князев... Очень верю! Но ещё я верю, что порой одно чувство может трансформироваться в иное. Оно крепнет, мутирует и выдает результат. Главное, чтобы на вас не влияло давление общественности...

— Ты о чем?

— Ты из-за убедительных аргументов начнёшь искать в ней отклик как на женщину. А она, чтобы не быть подстилкой, начнет убегать. Вот это дерьмовый расклад... И лучше бы

вам вспомнить, что вы друг для друга бэстики! А Алена всё правильно сделала. Дистанция не позволит вам наломать дров... Просто расслабьтесь, а жизнь сама расставит все по местам и определит – друзья вы или ещё кто-то!

И жизнь очень быстро начала расставлять все по своим местам.

Примерно через три минуты... Потому что в зал вбежал наш спортивный директор, а по совместительству мама Савина, с командой мыться, бриться, экипироваться и ползти на лёд, потому что сейчас приедут из университета, чтобы сделать фотосессию.

И слинять по тихой у меня не получилось, потому что тетя Кристина сцапала меня у выхода, прошипев:

— Тренерский состав это тоже касается, Князев!

— Вождь сказал: к стенке – значит, к стенке, — кивнул я и зашагал к раздевалке.

Через полчаса мы с парнями выкатили на лёд и знатно офигели... Площадка была застелена красным ковром, на котором разминались девчонки из группы поддержки. И естественно, среди них была Кушнир...

Её я выцепил первой. Слишком знакомый силуэт... Рост, фигура, манера держать голову, длинные волосы, собранные в высокий хвост, как часть образа фан-группы. И ещё её смех... Звонкий, резкий, как щелчок клюшкой.

— Так, тишина! — слово взяла Савина, а после забрала у Лютаева клюшку и застучала по льду, требуя тишины.

Все притихли, а на трибунах наоборот – что-то зашуршало. Я обернулся, заметив входящую делегацию при галстуках. Лица были знакомы – ректорат университета подъехал. В полном составе... Как интересно!

Тётя Кристина поприветствовала гостей и смирив нас строгим взглядом, чтобы не смели придуриваться перед посторонними.

— Вот умеет Савина посмотреть так, что все нутро падает, — буркнул главный тренер Мулин и ткнул меня локтем. — И какого черта мы не успели свинтить?

— Савина бы все равно нашла.

— Это точно...

Тем временем Кристина Александровна развернулась к команде и продолжила:

— Мы здесь собрались по двум причинам. Во-первых, в рамках популяризации спорта среди молодежи, на базе университета созданы три команды в разных дисциплинах. И я с гордостью сообщаю, что главной по организации и набору группы поддержки была выбрала Алена Кушнир.

Парни машинально отреагировали и залупили клюшками по льду.

Алёна все это время пряталась во втором ряду, явно не желая пересекаться со мной взглядом, но от столь бурной реакции её совесть дала крен, и пришлось выбираться из норы.

Кушнир вышла, и наши взгляды схлестнулись... Но я не стал отводить глаза, потому что ничего постыдного и преступного не совершал. Не отвела глаз и Алена. Так и стояли, таращась друг на друга, словно не виделись год – не меньше.

— Новость вторая! К началу зимнего сезона университет и хоккейный клуб «Дьяволы» решили выпустить новую коллекцию мерча, дополнив их рекламой, буклетами и прочей атрибутикой. Так что к станку, дети мои!

И начался ад...

Вспышки камер, тупые просьбы фотографов. Им и замах посильнее, и чтобы шайба в ворота летела медленно.

Это как, бля? Что по физике было, придурки?

Но самый смак случился, когда нас начали выстраивать по парам.

— Не возражаешь? — ко мне тут же подскочила Настя Чарова и прильнула всем телом, зашуршав помпонами. — Я слышала, что вы с Кушнир расстались?

— А мы с вами знакомы, чтобы задавать вопросы о личной жизни тренеру команды? — я не нашёл ничего лучше, чем прикинуться дебилем с амнезией.

Боже, сколько она у меня кровушки попила? Мы и сталкивались-то лично всего несколько раз в год, на спортивной базе, куда иногда пригоняли сборные соседних областей. Но там начинался цирк! То в номер через окно проберется, то футболку мою украдёт... А между сборами она тараном брала мои соцсети, заваливала сообщениями, фотографиями, даже умудрилась найти телефоны моих сестер-близняшек! Благо мои зефирки, Лизка и Алиска, послали эту барышню в лес за мухоморами.

Так что да... С ней я имею полное право вести себя как мудака!

— Нет-нет! — фотограф подбежал, схватил Чарову за локоть и приткнул к Добрынину. — Девушка, это точно не герой вашего романа.

— Как не моего? — девчонка такую мордочку скусила, словно у неё любимого щенка отобрали.

Губы затряслись, а сама она пятками уперлась в расстеленный на льду ковёр, собирая его гармошкой. По арене прокатился заряд хохота... И Чарова надулась ещё сильнее. Потому что в её картине мира она непременно должна быть очаровательна и соблазнительна, но не смешна.

Но я даже выдохнуть не успел... Потому как смена на этом матче произошла стремительно, правда, по указке фотографа.

Всего один раз моргнул! И, волею судеб, передо мной возникла красная от злости Кушнир.

— И-де-аль-но! — подытожил мужчина и наглым образом подтолкнул Алёну прямо в мои руки. — Ага... Точно. И рост, и комплекция. Так, сначала снимаем эту парочку!

— Это невозможно, — зашипела Алена и закусил губу. — Князев, какого черта?

— Товарищ тренер, вы не могли бы быть чуть живее? Дама все-таки! Ну, обнимите... Дайте огонька, а? Вообще-то эти буклеты должны привлекать в спорт, а не бросать в уныние.

— Тренер и руководитель группы поддержки! Какая прелесть! — заухал Добрынин и класнул клюшкой по льду, и вскоре его шалость подхватила вся команда.

— Двадцать отжиманий, Добрынин! Немедленно! — рявкнул я, наблюдая, как Ванька падает на лёд, удерживая руки хватом клюшки.

— Горько! — заголосил Лютаев и, не дожидаясь наказания, упал рядом с Добрыниным и начал отжиматься. — Тренер, просто скажешь, когда остановиться...

— Привет, — тихо шепнула Алена, затем выдохнула и, как всегда, все взяла в свои руки. — Давай просто побыстрее закончим с этим? Мне отмазаться нельзя, чтобы не подставить ректорат.

Она повернула меня, а сама приткнулась спиной к спине, при этом я чувствовал, как она выгнулась, пользуясь мной, как опорой.

— Ты, говорят, в универе восстановилась?

— Ага. Крокодил Гена сильно помог. Я просто оказалась в нужное время и в нужном месте.

— Ещё ближе! — командовал фотограф. — В глаза посмотрите друг другу! Да растопите вы этот лёд! Молодые, крепкие, а все как щенки забитые.

— Он что, порнушку в свободное время снимает? — пробурчал я. — Огонь... огонь!

Мы развернулись лицом друг к другу, и Алёна, в очередной раз тяжело вздохнув, в уже отрепетированном движении вскарабкалась на меня, обхватив ногами за бедра.

— Мне достаточно льда повсюду! От вас я хочу чувствовать тепло и искры радости от победы! — горланил фотограф, пока ассистенты и световики носились вокруг нас. — Контакт глазами! Мне нужен полный контакт!

— Раздевайся, Кушнир, — я скинул одну крагу, чтобы удобнее было удерживать Алену. — Полный контакт ему нужен!

— Это уже не смешно, Тём, — зашептала Алена, но, тем не менее, вскинула подбородок, выпуская меня в свои огромные голубые глаза. — И с чего это жизнь вдруг крутанулась, требуя от нас контакта? Чем мы её рассердили? Где нагрели?

— Да мне, Алёша, все равно на жизнь и на тех, кто сталкивает, — я тоже расслабился и подхватил Алену под бедра, чтобы было полегче висеть на мне. — Меня больше волнует, что мой друг вдруг оказался и не друг, и не враг, а так...

Она дернулась и зажмурилась. Её рука поехала, и Алена откинулась назад, но из-за вовремя подставленной ладони ей пришлось прогнуться.

— Замереть! — завопил фотограф и начал бегать вокруг нас. — Вот! Шикарная поза!

— Алёш, мы с тобой лучшие друзья, — зашипел я, пользуясь тем, что из-за щелчков камеры нас не услышат. — А своим поведением ты даешь повод для слухов. Это всего лишь поцелуй...

— Ну, так если мы просто друзья, то чего ты так нервничаешь? — вскинула бровь Алена и поднялась, чтобы в глаза посмотреть. — Что, Тём? Что тебя так бесит?

— Меня бесит, что ты забила голову чушью!

— Чушью? — Алена звонко рассмеялась, и мое сердце треснуло, словно было скованно коркой льда. — Темушка, а если это чушь и глупость, то дай мне убедиться в этом! Представь, что мы не поделили лего, как в детстве!

— Да я даже в детстве готов был тебе дать все, лишь бы мы не ругались!

— А я не хочу, чтобы ты мне это давал, чтобы заткнуть!

— А чего ты хочешь?

— А я не знаю, чего хочу! — Алена устала держать корпус на весу и прильнула.

— Кушнир, завязывай. Давай мириться?

— Если тебе нужна будет помощь, Князев, я всегда приду, — шептала она, озорно улыбаясь в объектив камеры. — Ночью, утром, в снег, в дождь, в пургу... Один звонок, и я буду рядом, даже если мы в ссоре. И ты точно придешь... В этом я не сомневаюсь.

— Но?

— Мы все знаем друг о друге в паре. Но мы ничего не знаем о самих себе в одиночестве. Например, я вот борюсь с привычкой писать тебе сообщения и делиться новостями. А ты уж как-то слишком легко впился поцелуем во второй раз. Что это? Рецидив? Или скрытое желание, о котором ты не хочешь думать?

— То есть, я для тебя — дурная привычка?

— Давай не будем ругаться? — Алена снова подняла на меня глаза, и её резкий выдох прошелся по подбородку, замирая ожогом на губах. И вдруг на языке вспыхнул тот злосчастный привкус персиковой сладости, мягкость поцелуя и странное ощущение покоя.

— А вообще, ты неподходящее время выбрала, чтобы поиграть в эту игру. В пятницу нас ждет Шишкин. А на следующей неделе у отца день рождения. Ты помнишь?

— Конечно, помню!

Ну Алёша... И какого черта происходит? Почему я не замечал, какие у неё длинные ресницы, и как забавно закручиваются кудряшки мелких волосков на лбу? Когда она успела проколоть вторую дырку в ухе? И о чем это она так думает, что жилка на шее не пульсирует, а отбивает сигнал sos! Того и гляди — рванёт!

Да и права она... Во второй раз меня даже уговаривать не пришлось, чтобы поцеловать. И ведь я трезв был, как стеклышко. Какого черта сорвался? Сам не понимаю.

Я перехватил её руку, но рассмотреть царапину не получилось, потому что кожу закрывали напульсники с символикой клуба. Наши пальцы сплелись всего на мгновение... Но ручеек тепла, ударивший в ладонь, было невозможно игнорировать.

— Давай договариваться, Темочка? Просто поделимся. Ты не идёшь к Шишкину, а меня отмажешь перед дядей Игорем, — Кушнир рассмеялась и заскользила, словно в руке, которой она обхватывала мою шею, вдруг сила кончилась.

И... по моим губам мазнуло холодным липким блеском. Алена от неожиданности открыла рот, и наши языки встретились, но всего на одну секунду. Однако этого оказалось достаточно, чтобы она прыгнула и отскочила от меня, как от прокаженного!

И... если раньше в её взгляде ещё улавливалось сомнение, то теперь там полыхали костры упрямства!

Дьявол... А вот это плохо. Очень и очень плохо!

Алена вообще не любит, когда её берут на слабо. А тут, выходит, этот вызов она бросила самой себе.

И я прям слышал её голосок: *«Слабо тебе, Алена, прожить пару недель без Князева?»*.

Едрическая сила!

А что с моим упорством? Откуда это желание прекратить игру?

Глава 11

День тишины – четвертый.

День не задался прямо с самого утра. Стоило выбежать из квартиры и вставить ключ в замочную скважину, как скрипнули створки лифта, выпуская Марину с каким-то мужиком в костюме.

— О! Алена! — сестра запрыгала от счастья. — Как хорошо, что я тебя застала! Это риелтор, и ему нужно показать квартиру.

На меня словно ушат холодной воды вылили... Резко, без предупреждения и возможности подготовиться.

Почему с вечера не написала? Если Марина считает, что права по всем статьям, то почему же было не предупредить? Квартира – не кольцо, её невозможно спрятать в трусах или украсть, пока весь дом спит. Да и замки я не меняла.

Тогда для чего этот спектакль? Откуда это желание унижить меня?

Я выдернула ключи из замочной скважины и в два прыжка запрыгнула в лифт, больно ударившись плечом об уже закрывающиеся створки.

— Так показывай, Марина! Твоя квартира, твой риелтор. От меня-то ты чего ждёшь? — я нажала кнопку стопора и выглянула, чтобы посмотреть Марине в глаза. — Или я снова должна поставить свою жизнь на паузу, чтобы дать тебе повод ткнуть мордой в статус «приемыша»? Не сейчас... позже.

— Как это ты уходишь? — вспыхнула сестра. — Я думала, ты побудешь тут, пока Мурат закончит фотографировать. Меня же Милка ждёт... А тебе все равно нечем заняться.

— А! Вон оно как? — я усмехнулась и ткнула в кнопку первого этажа. — Извини, Марина, но мне пора в универ.

— Алёна! — Марина подскочила и успела выбросить руку между створок, останавливая лифт. — К чему эти истерики? Ты зачем упираешься? Мы же все обговорили. Это моя квартира, и я делаю с ней что хочу.

— А кто тебе мешает становиться бомжихой? — я расслабилась и сбросила тактичность, потому что она точно не поможет достучаться до сестры. — Марин, у тебя есть ключи, адрес все тот же. А бесишься ты не из-за меня, а потому что знаешь, что родители бы не одобрили твоего поступка. Всё, мне некогда... Пока.

Я отбросила её руку, позволяя створкам закрыться.

И когда осталась наедине в кабине, осознала, что вот он, переломный момент. Жизни тут она мне уже не даст. А потом ещё и Гоша подключится к атаке. А значит, мне нужно искать жильё, чтобы однажды не увидеть груды своих вещей на лестничной площадке.

И чем быстрее я это сделаю, тем будет лучше, в первую очередь для себя.

Для чего я нервничаю? Почему переживаю? Ведь Марина права по всем статьям! Это её родители, это её наследство. И я не имею на квартиру никаких прав. И думать я должна только о себе!

— Хватит... — выдохнула я и припустила в сторону сквера.

В чудесном восстановлении в университете был и огромный плюс. Теперь мои дни были заполнены под завязку. Оказалось, что желающих стать участницами университетской группы поддержки было так много, что я по три часа отсматривала юных танцовщиц.

И в таком сумасшедшем темпе пролетела неделя.

Сложно, но зато половина отведенного для раздумий срока пройдена.

После того столкновения на фотосессии Артема я больше не видела. Он не писал, не звонил, следуя условиям уговора. И мне тоже удавалось воздерживаться от глупостей.

Но все это анализ мозгом... Однако вот чувство, что часть моей привычной жизни вырвали безвозвратно, не проходила.

Может, я, и правда, надумала?

Ну болтают... Так люди всегда и про всех болтают!

Ну, называют меня приложением к Князеву. Так в современном мире это не редкость.

Да и Артём сказал, что видит во мне только друга.

Вот только эта мысль была какой-то неудобной. То, что раньше успокаивало, теперь превратилось в лезвие, пульсирующее на нотках моей тревожности. Она не затихала, превратившись в язву.

Все зудела и зудела! И на парах, и на тренировках, и на собрании нашей группы поддержки, где мы обсуждали график на следующую неделю.

Не утихала, даже когда я закончила бесконечный день, выскакивая из Ледового. На ходу достала зазвонивший телефон, но стоило переступить порог, как меня впечатало во что-то твердое, но до безумия знакомо пахнущее.

Князев...

— Ой-ой! — прохрипел Артем и резко выбросил руку вперед, удерживая меня от падения.

Но слишком поздно... Я успела треснуться о закрывающиеся створки, оглушив нас писком боли.

— Кушнир, вот вечно ты носишься как угорелая, и под ноги не смотришь! Постоянно куда-то опаздываешь, нагребешь дел по горло, а потом жужелицей...

Он ворчал-ворчал... Скорее по привычке. Да и сел на корточки он в уже отработанной манере. И ладони его горячие легли на икры и двинулись вверх, собирая капрон в гармошку в до боли знакомом жесте. Бездумно на инстинктах! Без навигатора, как он сказал про меня, нырнул под плиссированную юбку в мелкую клеточку.

Но лишь добежав до кружева чулок, он дернулся и вскинул на меня глаза... И в этом взгляде такой туман осознания растекся.

Столько там было шока, откровенного удивления, что даже мне стало дурно! Артём будто сначала сделал, а после поймал себя на запретном и непозволительном действии!

Но даже это замешательство не оторвало его пальцев от ажурной ленты чулок.

— Что, Тёмочка... А чего же ты остановился? — рассмеялась я и с какой-то наглостью перехватила его ладонь и сама сдвинула выше, прямо на задницу. — Если следовать твоей убежденности, что я все себе надумала, то какого черта ты остановился? Я же твой друг? Сколько раз ты видел мою задницу? Сколько раз я падала, а ты вот так ощупывал, чтобы убедиться, что цела и невредима?

Его глаза расширились, а зрачки странно и как-то незнакомо запульсировали, отбивая суетливый ритм. Тёма облизал губы, а кадык на его шее трижды дрогнул, пытаясь протолкнуть образовавшийся ком неловкости.

— Или друзья не имеют права носить чулки? — в край осмелела я, а после отшагнула в сторону, вырываясь из огня его рук. — Может, мне переодеться в трикошки и худи? А? Там-то все прикрыто, и твои руки в полной безопасности?

Жарко с ним! И сердце так колотится, словно я только что акробатический кульбит выполнила. Невыносимо жарко... Я расстегнула замшевую косуху, дернула воротом, впуская прохладный осенний воздух под взмокшую ткань водолазки.

— Теперь ты видишь? — я все же достала телефон и спрятала глаза, просматривая скопившиеся уведомления. — Тебе позволено куда больше, чем любому моему поклоннику. А это хреново! И проблема, очевидно, не в тебе, а во мне... Ведь действуешь ты исключительно по моему разрешению.

— Кушнир, — внезапный выдох прилетел в макушку, потому что Князев незаметно подкрался ближе. — А правда... Давай трахнемся?

От неожиданности я выронила телефон... Но не бросилась за ним, игнорируя звон о каменные ступени. Как тарасилась в его хитрые глаза, так и замерла. И снова температура подскочила. Только вот раньше этой хрени не было!

— Если зайдет – будем думать. А если мы не подойдем друг другу, то и думать, вроде как, не о чем, — Артём говорил так четко, уверенно, что захотелось огреть его клюшкой по морде. Дьявол... Это игры больного разума!

Не ему, а мне в голову посадили шальную мысль, что мой идеал не в серой массе поклонников, а прямо под носом – вот он, Артём Князев!

Я уже знаю его группу крови, привычки, аллергии. Из сотен голосов узнаю его бархатный перелив и с закрытыми глазами найду на ощупь по шрамам и двум вихрам на макушке.

Выходит, он прав?

Виной всему не поцелуй, а моя слабость к давлению общественности? Неспособность сопротивляться, держать удар и отсекал вредоносное чужое мнение?

Но что будет дальше? Мне скажут, что теперь модно ходить лысой, и я схвачусь за бритву? Или набью татуировку на лбу? Увлечусь шрамированием?

Боже, какая же я идиотка!

Стоп... Тогда для чего этот вопрос? Он-то обо что сломался, предлагая мне секс в чисто научных целях?

— Ну чего ты так смотришь, Алёшенька? — Тёма присел, подобрал мой гаджет, заболливо протер его о свои джинсы и вложил обратно в руку. — Ты что хочешь понять? Можешь ли жить без меня? Так доказала... Можешь. Ещё что хотела понять? Вспыхнет ли между нами что-то? Только это не проверить, бегая друг от друга. Давай просто покончим с этим...

— Князев, ты себя слышишь? — я рассмеялась и все же сняла блокировку, пролистав вереницу пропущенных звонков от Шишкина.

Чёрт... Завтра уже пятница, а я и забыла совсем.

— Да, я говорил, что, выбирая между дружбой и сексом, предпочту первое. Но если как раньше уже не будет... Кто нам мешает провести эксперимент над дружбой?

— А после секса вообще все кончится, — я дернула плечами, отчаянно пытаюсь не выдать тайфуна, что расхотелся внутри. — И вообще, это не выход!

— Тогда скажи, где выход? — Тёма вдруг сграбастал меня, забросил на плечо, прихватил свой хоккейный баул и потащил в сторону парковки, где на привычном месте стояла его машина. — Если ты можешь без меня, то я не могу без тебя!

— Я умею ходить! — взвизгнула я, но Князев решительно ущипнул меня за ляжку, чтобы не возмущалась.

— Друзья? Окей... Давай дружить. Любовники? Погнали! Я люблю секс, ты его обожаешь... И почему нам в голову никогда не приходило совместить эти должности? Что одна, что вторая подразумевает доверие и преданность. А этого в нас хоть ложкой жри...

— Что ты несешь, Князев? — я залилась румянцем, не веря своим ушам.

— Кушнир... Ты же искала мужика, готового на эксперименты? Так это я... Покупай энциклопедию для сношающихся кроликов, и погнали пробовать все, о чем ты там мечтала, — Артём сначала забросил в багажник свой баул, а потом двинул к пассажирской двери.

— Тебя послушать, так я озабочка какая-то!

— А может, именно это мне в тебе и нравится? Все притворяются, играют... А ты говоришь то, что хочешь, то, о чем думаешь.

Я не сопротивлялась, чтобы не устраивать сцен на улице. Когда Артем закрыл дверь и начал обходить машину, я наткнулась на пристальный взгляд Чаровой.

Эта рыжая заноза стояла на крыльце служебного входа, даже не пытаясь прятаться. Смотрела прямо, с интересом. Надеюсь, она ничего не слышала? А то мне только сплетен в коллективе не хватало.

— Давай, Кушнир, начинай! — махнул Тема, упав в кресло.

Он крутанулся, замирая ко мне лицом. Да так резко, что я опешила на миг, не успев переключиться в мыслях с Чаровой.

— Что начинать? — охнула я.

— Как что? Трахаться начинай! Пока одна, потом я подскочу, — Артем прыснул смехом. — Алеш, это я! Князев.... Мне можно рассказать всё!

Он явно попытался разрядить обстановку. Но если бы ещё несколько дней назад я присоединилась к веселью, а может, даже отвесила бы ему шелбан, то сегодня я не ощущала в себе никаких сил. Пусто... Ни чувств, ни эмоций. Сплошная усталость и какое-то перманентное ожидание удара в спину.

— Что ты хочешь, Тём? Скажи уже, и закончим со всем этим бредом, автором которого я и являюсь, — отбила Шишкину подтверждение, что завтра все в силе. — Я сейчас не в том состоянии, чтобы изливать душу.

— Ну, тогда я скажу, — Князев снова закурил, дернул рычаг кресла и растянулся по нему, а значит, у него снова болела спина. — Начнём с того поцелуя?

— Стоп, — я развернулась и дернула ручку, но Артем успел заблокировать замки.

— Нет, Алёша. Ты дослушаешь меня! — он перехватил меня за руку и притянул к себе. — Когда все ждали от меня результатов, когда все ждали, что я выстрелю и стану величайшим защитником и отправлюсь в КХЛ, ты как-то сказала, что чужое ожидание – это мусор их страхов, и на меня он никак влиять не должен.

Я перестала сопротивляться и повернулась к Артёму.

Сердце сжалось от осознания, что я до безумия соскучилась. Сколько мы не виделись? Дня два? Три? А ощущение, что месяц.

— Мне было страшно не оправдать ожидания общественности, тренера, сокомандников, родителей, да самого себя, в конце концов. А потом все рухнуло из-за травмы. И все опять ждали от меня чуда: вот-вот заиграет, вот-вот вернется! Но я молчал... И единственный, кто был рядом и не требовал подвигов – это ты. Даже тогда ты видела меня насквозь и понимала, что я не растерян. А просто делаю жизненный выбор. И я до сих пор помню одни из важнейших разговоров в моей жизни.

— И что же я такого важного сказала?

— Что жюри моей жизни – не тренеры, родители и болельщики. Я сам оцениваю себя... И вообще, я не стану хреновым человеком, если завяжу с хоккеем и найду себя в чем-то другом, — Тема вдруг сделал паузу и звонко поцеловал меня в макушку. — Все думали об этом, но слух сказала только ты.

Я улыбнулась, возвращаясь в те времена, когда было все так просто...

Дьявол! Мы пережили пубертат с гормональными землетрясениями, а запнулись, уже будучи взрослыми? Серьёзно?

И ведь ладно, споткнулись... Повелись на слова чужих людей.

Ну и дура ты, Кушнир. Идиотка!

— Я поняла, Князев. Поняла, — кивнула и попыталась отстраниться. — Твоя претензия принимается. Считай, что мои тараканы устроили революцию, а твоя белая гвардия всех усмирила и отправила в Сибирь. Не знаю, что случилось... Правда. Может, это встреча с Богдановым так зацепила. Я была неправа.

— Что... Всё было так просто? — Артем чуть ослабил хват, но лишь для того, чтобы посмотреть в глаза. — Сейчас опять начнём дружить? И писать можно? И слать мемчики? И

звонить перед сном, потому что, если честно, я стал дерьмово спать без твоей звонкой болтовни. Вот под неё я засыпал с кайфом...

— Конечно. Тём, я была неправа. И ни за что на свете не хотела бы потерять такого друга, как ты. Ты вот предложил секс... Тут я и поняла, что и сама бы выбрала дружбу. Прости меня, друг...

И если до этого он был спокоен, то последнее слово попало в цель. Артём напрягся, на его шее дернулся кадык, словно в горле застряли какие-то слова, но он их вовремя поймали и остановил.

— Всё? Опять дружим?

— Да, — я даже улыбнулась. — Никаких двух недель. Никаких приложений к Князеву, и больше никаких мук совести. Подумаешь – поцелуй. Мы просто друзья. Чужие комплексы и неверие в дружбу не могут диктовать нам правила поведения. Хотим – дружим. Хотим – трахаемся и сосёмся. Но лишь по своему желанию!

— Исключительно по своему желанию! — он шурился, словно не верил, что его заготовленная пылкая речь и не пригодилась вовсе.

— Ты только это, — я рассмеялась, потому что его ошарашенный вид хотелось сфотографировать и поставить на заставку звонка. — Больше не предлагай мне...

— Чего? — ожил Артём и вскинул бровь. — Трахнуться?

— Ага.

— А то вдруг согласишься? — Князев заржал и завёл двигатель. — Но это полностью противоречит твоим словам. Кто только что сказал: «Хотим – дружим. Хотим – трахаемся и сосёмся. Но лишь по своему желанию».

— Ну, тогда дождись моего желания, что ли?

Салон машины пульсировал от нашего смеха. И мне даже показалось, что не было никакой недели тишины и паузы, чтобы подумать и пострадать в одиночестве. Я тараторила, рассказывая про крокодила Гену, про своё удачное восстановление в универе и мечтала, что уже в следующем году смогу найти нормальную работу.

Всё рассказала... Кроме того, что вскоре окажусь бомжом.

И сделала я это осознанно, потому что знала Князева. Он снова сорвется, снова сломает Алиеву нос, как в прошлый раз, когда он ради шутки высадил Марину на трассе. Они возвращались с отдыха на природе, и сестра заговорила о свадьбе, а он её выкинул без денег и телефона...

Тогда я была на стороне Артёма, хотя мама говорила, что физическая расправа – не метод решения проблем.

Но сейчас... Сейчас мне меньше всего хотелось, чтобы пострадал Князев.

Артём припарковался возле торгового центра, но я отказалась идти с ним. Забегать в секс-шоп, чтобы купить резиновую женщину – это без меня. Продавцам же не объяснить, что это шутка и подарок нашему любимому Шишкину, который уже пережил два развода.

Когда Артём убежал, я выдохнула, успокоилась и набрала номер сестры.

— Алёна? — Марина удивилась, и в тишине послышались её шаги и тихий хлопок двери. Наверное, вышла, чтобы не разбудить Милку.

— Привет ещё раз. У меня есть к тебе предложение, — я откашлялась, пользуясь паузой, чтобы ещё раз оценить свой замысел. — Я долго думала и вот что придумала. Раз уж вам мало места в квартире твоего Алиева, то можно поступить иначе. Вы переезжаете в родительскую, а я в вашу. Я согласная взять на себя ипотеку, если Гоша переоформит квартиру на меня. Вам просторная трёшка, а мне долговые обязательства и квартира в бетоне, потому что ремонт, как я понимаю, вы за два года сделать так и не сподобились. За все это время вы даже половины суммы от первоначального взноса банку не выплатили, поэтому моё предложение считаю рациональным.

— Я не... не понимаю, — охнула Марина.

— А чего ты не понимаешь? — я усмехнулась и начала расправлять плиссировку юбочки.
— Вы с Милкой никогда не останетесь на улице. Родительская квартира ваша, а твой Гоша не выгонит вас, как только ты закроешь его банковский долг.

Сестра охнула, но говорить ничего не стала.

— Марин, ты никогда не задумывалась, почему его сократили через полгода после смерти мамы? Как точно совпали эти даты – просто поразительно!

— Алёна, ты совсем...

— Потому что в права наследства вступают через полгода, — перебила я её, не дав развиться в обвинениях. — А он тебе рассказал, что, продав родительскую трешку, ты ещё влипнешь на огромный налог государству? А если посчитать все внимательно? Возьми цену, отними сумму первоначального взноса, налог на продажу наследованного имущества раньше положенного срока... Сколько там останется?

— Налог? — еле слышно шепнула сестра.

— Марина! Остановись! Включи голову! Я понимаю, что ты до сих пор в постродовой депрессии, но уже пора очнуться, — я замолчала и прикусила язык, чтобы не сболтнуть лишнего. — У тебя дочь маленькая, а ты её угла лишаешь? Чего-то её папашка не прописал крошку в своей квартире...

— Не прописал, потому что поликлиника у родительского дома лучше!

— Тогда сам бог велел. Переезжайте и живите счастливо. Там не только поликлиника, но и садик, в который мы с тобой ходили, и школа... И даже универ через дорогу. Думай, Мариша, думай, — выдохнула я и отбила вызов, чтобы сестра не успела начать спор.

Глава 12

«Доброе утро».

Я уже две минуты смотрела на это короткое сообщение, по которому, оказалось, скучала всю эту неделю.

Точно скучала. Потому периодически перечитывала его, пряча идиотскую улыбку от преподавателей на нудных парах, от претенденток на участие в группе поддержки, и от малявок, с которыми я проводила тренировку.

— Маруся, ты молодец! — я похлопала в ладоши, когда самая мелкая и гибкая девчонка закончила выполнять упражнения для координации на коньках.

Пока малышня развлекалась, я подкатила к родителям и сообщила, что в субботу дополнительной тренировки не будет. Лично я, после адовой недели, решительно настроена оторваться на дне рождения Шишкина. К тому же он обещал баню и горячую купель.

Пока по площадке громыхал детский визг, я отвела родителей Маруси в сторонку и посоветовала искать толкового тренера. У их дочери определенный талант и набор важных для профессионального спортсмена качеств. Родители воодушевились, заулыбались, уже мысленно примеряя олимпийскую медаль.

— Всем спасибо! Все свободны! — я достала кулек с карамельками, которыми награждала всех, кто слушался и не саботировал тренировку.

Но, по правде, я просто их раздавала каждому, а малышне было приятно чувствовать похвалу.

— И не забудьте почистить зубы после сладкого, ведь сахар – это...

— Вредно! — хором ответили карапузы, неуклюже выбираясь с площадки.

— А мне карамельку? — грохнуло над ухом, а я вслепую вскинула ладонь с барбариской.

— Кушнир, а вот ты зря скромничаешь, — Тема сцапал угощение, зашуршал обёрткой, провожая взглядом карапузов и их гордых родителей в подтрибунное пространство. — Ты великолепно ладишь с детьми. Может, хватит относиться к своей работе, как к хобби? Берешь с них три копейки, а выкладываешься на полную, а потом ещё и талантов даришь другим тренерам. Ты, вообще-то, тоже мастер спорта!

— Ой, Тём, хватит полировать мою корону... Она не засверкает.

— А зря, — Тема вдруг загрохотал, и я поняла, что он на коньках. Скрипнула дверка, и горячие ладони опустились на мою талию.

Князев оттолкнулся, и мы заскользили по льду в легком парении и совершенном спокойствии.

— Скромность, Кушнир, тебе не идёт. Мне изменяет память, или кто-то сдал на разряд? Кто занял шестое место на чемпионате России? Уж не моя ли Алешенька Кушнир? — Тема шептал на ухо, а сам разгонялся все быстрее и быстрее, зная, как сильно я люблю это ощущение полёта.

— Мне повезло тогда... Сезонный грипп решил вопрос моего разряда.

— Глупости! Ты можешь тренировать самостоятельно. Отлично составляешь программу, находишь язык даже с самыми вредными безобразниками... Ты же и добрый, и злой полицейский в одном флаконе. Когда надо – таких лещей отвесишь, что обтекать приходится. А иногда от твоего голоса хочется в лужицу расплыться и кайфовать, — Тема, не сбрасывая скорости, вошёл в поворот, отчего у меня дыхание перехватило.

Я откинулась на него, уложила голову на плечо, и губы сами растянулись в улыбке.

— Говори, Князев... Говори-говори! Какая я шикарная, умная и замечательная. Обожаю... Это даже приятнее, чем почесывание спинки по утрам.

— Не ври, Алеша, за почесывание спинки ты родину продашь, — он пригнулся, и его теплые губы коснулись моего уха, запуская бег мурашек. — Ну, или за карамельки...

— А можно мне все и сразу завернуть?

Я доверяла Князеву настолько, что расслабила руки и начала разворачивать конфету. Первую забросила себе в рот, а вторую протянула вслепую, выше. И промахнулась... Чтобы добраться до сладости, Артём губами подобрал мои пальцы, ласково вытягивая языком свою добычу.

— Ну что? Вы одели резиновую Зину? — я поспешила завести разговор, чтобы не утонуть в тишине. — Купили развратное бельишко?

— Ага, Луговой вчера притащил комплект цвета фуксии. Мы даже надули Зинку, чтобы прикинуть размерчик, — захохотал Князев и снова ускорился, входя в вираж. — Так, ещё кружок, в душ, и выдвигаемся к Шишкину.

Так мы и сделали.

Князев присел на скамейку, расшнуровал мои коньки, надел защиту на лезвия, а после утрамбовал в чехол.

Ну вот... Всё как обычно. Ничего странного. Можем просто дружить.

А то запудрила себе мозги! Зачем мне кто-то, если я и сама могу себе придумать проблемы?

Мужская раздевалка была рядом с выходом на лед, а женская в другом конце коридора. Мы разошлись, договорившись встретиться через двадцать минут у входа.

Душ я приняла быстро, даже успела заплести волосы и накраситься. Натянула короткое трикотажное платье и высокие сапоги без каблука. Накинула куртку и вышла из раздевалки, уже собираясь повернуть к выходу, как вдруг краем глаза заметила мелькнувшее рыжее пятно.

Какого черта?

Я застыла, наблюдая, как аккуратно поднялась дверная ручка мужской раздевалки, словно кто-то пытался не создать лишнего шума, закрываясь изнутри.

Ну, Князев совсем не любитель тишины... Он даже ходит, как медведь, а дверью жахнет так, что стены дрожат. Так с чего ему аккуратно закрываться? Да и зачем ему закрываться, если он уже должен быть готов к выходу?

В Ледовом было тихо, все вечерние тренировки были закончены. И лишь с площадки тянулся грохот. Кажется, сегодня должны были начать монтаж рекламы к игре и перезаливать лед.

Закинув на плечо сумку, я поспешила к раздевалке. Аккуратно дернула ручку, но дверь оказалась заперта.

Твою мать! Сердце застучало в тревожном бите. Что тут происходит?

— Ну, где же ты? — зашипела я и начала рыться в карманах, отыскивая дежурную связку ключей. Савина мне доверяла, потому частенько просила запирать помещения после уборки.

Вот и сейчас я нашла нужный ключ и тихо открыла замок. Меня словно кто-то толкал сюда...

Почему заперто, если я видела шевеление ручки? Уборщицы же не могут закрыться изнутри? Зачем им это?

Пробежав техническое помещение с рядами ключек, баулами и инвентарем для тренировок, я замедлилась и в саму раздевалку вошла уже на цыпочках. Тихое помещение, насквозь пропахшее потом и тестостероном. И с первого взгляда ничего странного. Но как только я завернула за ряд скамеек, на полу заметила знакомую джинсовую юбку.

Кажется, в этом прикиде сегодня приходила Чарова?

Ну точно... А вот и её свитер цвета зеленки. И бежевый модный тренчик. Но когда я заметила комок из трусов, лифчика и желтых колготок, меня буквально разорвало изнутри!

Уже не стараясь двигаться тихо, я рванула в дальнее крыло, прямо к душевым.

И как раз вовремя...

Рыжая дура... Нет, не так. Голая рыжая идиотка стояла в дверном проёме, исподтишка снимая на видео Князева, который до сих пор плескался в душе!

— Ты совсем больная, что ли? — заорала я и схватила идиотку за гриву.

Отдернула на себя, накручивая патлы на кулак, чтобы не вырвалась. Затем ударила её по ноге, заставляя опуститься на колени, чтобы полностью контролировать её сопротивление.

— Какого хера? — охнул Артем и... развернулся.

А я застыла...

Чёрт, более идиотской ситуации просто и случиться не могло!

В порыве спасения репутацию своего друга, я обезоружила и отвернула Чарову, а сама стояла и любовалась охренительно прекрасным мужским телом.

И ведь все, как по учебнику для художников и скульпторов. Мускул к мускулу. Пропорция к пропорции. И широченные плечи, и фактурные руки. А про грудь и пресс я вообще молчу...

Хотя нет, промолчать мне стоило, когда взгляд опустился на крепнувший половой орган. Этот мускул был особенно прекрасен... и, как выяснилось, особенно чувствителен к пристальному рассматриванию.

— Мамочки... — выдохнула, когда «дружочек» моего друга возмущенно дернулся.

— Алёнушка, ты либо присоединяйся, либо кинь полотенчик! — рассмеялся Артем, даже не предпринимая попыток прикрыться. Он совершенно спокойно смывал пену с волос!

— Сейчас, Тём, вот только суку одну научу уму-разуму, — как бы я ни пыталась взять себя в руки, но голос мой все равно осыпался дрожащим хрипом.

Я подняла Чарову и потащила вон от душевых, игнорируя её рёв, визг и попытки вырваться. Но перед тем, как скрыться, я показала Князеву задранный большой палец в знак душевного комплимента. Эталон биологического машиностроения – не иначе!

— Зачёт, Князев...

— И у тебя захват вышел отличный, Кушнир, все как я учил, — он заржал, и его бархатный смех усилил и без того бьющую внутри меня дрожь.

— У меня были лучшие учителя в этом городе!

Вытолкнув рыжую дуру в раздевалку, я начала швырять в неё разбросанной одеждой, а пока девчонка рыдала, успела разблокировать её телефон.

— А вот ты, Чарова-овчарова, не в курсе, что я раз в неделю люблю выпустить дурь в октагоне. Ты знаешь, чем занимается Артём? Он обожает бои без правил... И я их люблю! С детства с ними копошусь на ринге. Парни меня и волосы рвать учили, и болевые захваты делать, и зубы я умею выбивать.

Я носком сапога подпинывала разбросанную одежду, поторапливая эту похотливую суку поскорее одеться.

— Но тебя я пожалею, Чарова... Ты же не испугаешься поломанного зуба. Да? А вот публичного позора испугаешься! А я планирую Оскара взять за этот фильм...

Рыжуха натянула трусы и попыталась скрыться, но я наступила на подол её плаща, а второй рукой достала свой телефон и начала фиксировать все на видео.

— Дамы и господа, сегодня на арене у нас циркачка, ловкачка и просто больная дамочка, Анастасия Чарова! Эта курица обманом пробралась в раздевалку хоккейного клуба «Демоны»...

— Алёна, прекрати, — Настя натягивала топ, пытаясь при этом прикрыться полами плаща. Некогда красивое лицо было искажено гримасой стыда. Под глазами черные разводы туши, красная помада размазана до самых скул.

Жалкое зрелище...

Но я назло ближе поднесла камеру, чтобы не упустить ни одного кадра.

— Прекратить? Ты всерьёз решила, что право на личную жизнь есть только у тебя? Нет... Коль уж ты сталкеришь, то и твои сиськи мы сейчас рассмотрим поближе. Запомни, Чарова-овчарова, создавая прецедент, готовься и сама угодить под его каток.

Я выскочила в коридор, преградив путь отхода идиотке, и заорала во всё горло. В этот момент из-за угла как раз вырулили Савина и главный тренер Мулин, они тащили коробки с инвентарем, а заметив меня, перешли на бег.

— Алёна? Что случилось? Ты чего кричишь?

— Товарищ главный тренер, товарищ спортивный директор, — я сняла и их, а затем перевела объектив на экран телефона Чаровой, где запустила записанное ею видео. — Вот, дамочка тут порно снимает. И в главной роли второй тренер хоккейной команды!

Савина вспыхнула, не ожидая увидеть на экране голого Князева, правда, он был спиной, другой ракурс зафиксировали лишь мои глаза. Но и этого было достаточно, чтобы сделать верные выводы.

И тут Савину взорвало... В таком состоянии дядя Женя называет свою жену Кис-Кис. И не из-за шелковой шерстки и ласкового мурчания, а потому что она превращается в саблезубую тигрицу, готовую распотрошить любого за свою семью!

А Князев тоже был её ребенком... Да, не родным и самым старшим из всех, но это неважно! Эта троица давно объединилась в понятие «семья».

А Чарова, кажется, была не в курсе.

Да помилуют её гнилую душу...

— Настя!!! — закричала тётя Кристина и схватила Чарову за локоть, игнорируя её слезы и вопли. — Это что такое?

— Да я люблю его!!!

— Да он не любит тебя, — не выдержала я и начала пародировать старый мемчик. — А вообще, это не любовь, а преследование. Кристина Александровна, я вас прошу не заминать этот инцидент, а вызвать полицию. К тому же эта дамочка замечена была за этим и ранее.

Савина была в полном ужасе и потащила рыдающую идиотку в свой кабинет, чтобы вызвать полицию и просмотреть камеры наблюдения. А Мулин отправился их сопровождать, колыхаясь от дикого хохота.

Когда коридор опустел, я услышала за спиной шорох. Артем полыхал яростью... Желваки бились, а искрами из глаз можно было лед топить. Он оделся пулей и, на ходу натягивая бомбер, выскочил в коридор.

— Вот что значит настоящий верный дру-у-у-уг... Друг в беде не бросит, лишнего не спросит, — напевала я, поспевая следом за Князовым, пока он летел к кабинету спортивного директора.

Глава 13

— Ну, всё, уже можно выдохнуть, — я потрепала Артёма по руке. — Эта гадина собрала вещи, усвистала восвояси. Телефон я её вычистила, но на память скинула свою режиссерскую версию произошедшего. Пусть любит, курица.

— Но она же больная! — Артёма до сих пор подкидывало от злости, поэтому за руль его ласточки сегодня было позволено сесть мне.

— Конечно, больная. Это ещё лет семь назад было ясно, — я включила поворотник и свернула с трассы по указателю на коттеджный поселок, где себе отстроил дом Шишкин. — Тём, когда дамочка крадет потные мужские футболки – это уже направление к врачу. Ты, конечно, извини, но футболка пропотевшего хоккеиста – так себе французский букет. А от шлейфа глаза из орбит вылезают...

Я нарочно выкручивала темы, чтобы хоть как-то расшевелить Князева, потому что от него веяло жаром и злостью. А это плохое комбо для веселья. Знаю я его... В таком состоянии он сорвется и уедет домой в любую минуту.

Вон, на лбу какие складки залегли – то шальные мысли бродят!

— Ты что-то имеешь против хоккеистов? — оттаял Артем и развернулся ко мне.

— Ну, воняете вы, если честно, так себе... — я рассмеялась и вовремя поставила блок локтем, потому что Артём потянулся к моим ребрам.

Скорость была низкая, дорогая узкая и петляющая, вот он и решил наказать меня щекоткой.

— Ой, Кушнир... А ты после тренировки, конечно же, пахнешь цветочками, — протянул он и закурил, открыв окно. — А неплохо тут Шишкин устроился. До города пятнадцать минут и лес вокруг. Тишина...

— И не говори.

Дом мы нашли быстро и без табличек. Просто ориентировались по музыке и шуму. Артем достал из багажника огромную коробку с красивым розовым бантом, а я подала сигнал, подзывая группу заговорщиков на торжественное вручение женщины. Ну, идеальная спутница по жизни... Голова не болит, нет возражений, и её маме точно не нужно вскопать двадцать соток земли.

Веселиться мы начали сразу. К нашему приезду мясо на углях уже подоспело, и стол был накрыт, поэтому я даже была рада опозданию. В кои-то веки с ножом торчала не я. Зато вот Смирнова вся изнылась, демонстрируя изрезанные пальцы.

Но после первого тоста за именинника жизнь наладилась. Все начали отпускать тревоги, заботы, проблемы и вновь становились веселыми и молодыми.

Мы с девчонками первыми пошли в баню, пока Шишкин не раскочегарил её докрасна. Парились, обливались можжевелевой водичкой и остужались на веранде, наслаждаясь осенним дождиком, тарабанившим по деревянным плашкам дорожек.

В отличие от встречи выпускников, сегодня собрались только узким кругом, потому и разговоры были душевными, и шутки откровенными. И я была безмерно рада тому, что запретную тему никто не поднимал.

Но все было тихо и мирно, пока из дома не вывалилась полуголая орава мужиков... Они ошалелыми орангутангами рванули к нам под навес. Вопили от ледяного дождя, толкались, пытались первыми добраться до крыши.

Но когда Шишкин гордо шмякнул о стол красивой бутылкой, но без единой этикетки, мы все дружно замолчали.

— Ну что притихли, мышцы? — зашептал он. — Кто говорил, что у меня не получится домашняя текила?

— А я-то думаю, какого черта у него на участке ни одного кактуса, — захохотал захмелевший и расслабленный Князев. — У всех, главное, полно... А у него газон и туи. А он их все истребил на текилу!

— Ну? Кто спорил? — Шишкин откупорил крышку и протянул бутылку, чтобы вдохнуть божественный аромат напитка. — Амброзия...

— Херозия, — фыркнула Смирнова. — Почему можжевельником воняет? Это джин, что ли?

— Да какой джин? — Лужников забрал бутылку и аккуратно потянул носом. — Самогон!

— Ничего вы не понимаете в элитном пойле. Чистый, как слеза!

— Нет, это без меня! — я подняла бокал шампанского и отсалютовала имениннику. — Я, Шишкин, однажды тебе чуть нос не сломала, вдруг ты отомстить решил?

— Ой, я что, конченный кретин — оставлять Князева одного? Подохнет же без тебя!

— Подохну! — Артём закатил глаза, а после рухнул в натянутый гамак. — Не бросай меня, Кушнир... Нет жизни без твоего щебета и глупостей перед сном.

И как-то за этими шутками-прибаутками мы и в баньку сходили, и потанцевали. И хорошо так стало, что аж душа запела... А когда Шишкин сообщил, что чан готов, то мы с визгом и наперегонки отправились в высоченную металлическую чашку, на поверхности которой плавали еловые ветки и потемневшая трава... Мята, что ли?

Но аромат был просто сногшибательный!

Несмотря на наше возражение, к нам присоединились и парни. Набились мы как селедки в бочку. Девчонки стали устраиваться на коленях ребят, и лишь Князев сегодня был тих... и никак не обращал на меня внимания, хотя мы сидели, прижавшись друг к другу настолько, что я чувствовала каждый его вдох.

— Не желаешь сдать в аренду свои колени? — шепнула я, когда Артем повернулся, чтобы поставить на стойку за нашими спинами свой бокал пива.

— Нет, — его ответ был просто ошеломляющим. А я никак не ожидала услышать отказ!

— Серьёзно? — я чуть сместилась по погруженной в воду деревянной скамейке, и Лужников по левую руку от меня с облегчением застонал. — А можно поинтересоваться...

— Нельзя, — коротко ответил Артём и тут же взорвался хохотом, потому что Луговой и Титов пытались на время угадать десять фильмов. И, в частности, Титов сейчас отчаянно прощался от лица Ди Каприо со своей бедовой дамой.

— Темочка, — я еще ближе прижалась к нему, стараясь говорить тише. — А что такое? Нет, я насильно прыгать не собираюсь, просто признайся, что и ты был неправ... А то выходит, что я одна дура, и напридумывала себе всякого.

— Признаюсь, — кивнул Князев, даже не оборачиваясь ко мне, он просто взял стакан, сделал пару глотков и снова расхохотался над ужасной пародией Лужникова. — Был неправ, и есть о чем подумать. Или есть, что предложить... Я ещё не определился.

— Вот и молодец, — я чуть ли не визжала от восторга.

Ну, если мне хреново, то почему мой дружочек-пирожочек может так легко и спокойно делать вид, что между чувствами и дружбой можно сделать выбор. Как он это может поставить на весы?

Пусть и он помучается...

— Лужников, да свали ты уже! — Кошкина толкалась, пытаясь отвоевать себе место под солнцем, но парни потихоньку начали отжимать обещанный только для девочек чан.

— Да не стесняйся, Кошечка, я тебя не буду щупать, — заливался Петька, пытаясь прижаться к себе на колени Кошкину, которую выдавили со скамьи.

— Девочки, пойдем отсюда...

Вот только никому уходить не хотелось. Горячая вода, полная пряных трав, дурманила и на фоне мелкой дождевой мороси казалась просто райским местом! Над поверхностью изви-

вался парок. Смирнова лопала апельсины и бросала ароматную кожуру прямо в воду, и от этого запаха просто кружилась голова.

Мы то и дело затихали, пляясь в темное-темное небо. И если бы ещё не было застрявших над нами туч, и были видны звёзды, я бы воистину могла назвать себя счастливой.

Но все портило копошение и борьба за место в этом уголке рая...

— Да, блядь, — процедил Князев и сдернул меня с лавки, усаживая себе на колени.

— Ну, наконец-то, сподобился! — выдохнул Шишкин и сдвинулся, освобождая место для Кошкиной. — Садись, Мурка... Только не вопи.

Парни снова завели разговор, и уже через пару минут все забыли о ссоре. Вновь слышался смех...

Вот только мне было не до шуток!

Чтобы я не соскальзывала, Артём уложил руку мне на бедро, и казалось, вода вокруг меня просто закипает... Тепло струилось, пьянило и пробуждало каждую клеточку тела. Кровь уже не текла по венам, она неслась, как угорелая, толкаемая сбивчивым ритмом сердца.

Пульс ускорился, подбираясь к пересохшему горлу. Но как бы я не смывала сухость, становилось только хуже. Вот уже и голоса расплылись в одно жужжание, и ощущения стали такими острыми, что я почувствовала, как медленно и едва уловимо движутся пальцы... Артём то касался края моего купальника, то одергивал себя. И при каждом движении, при каждом соприкосновении наших тел его грудная клетка с гулом отвечала на моё беспокойство.

— Не ерзай, Алена, — шепнул он. Пытаясь предостеречь меня, но зря он это сделал... Ой, как зря!

Я расслабилась и неожиданно заскользила прямо в воду. А все потому, что подставка для ног была по центру чана, и Артём уперся в неё, вытянувшись, как наклонная водная горка! Вот и покатила вниз...

Но утонуть мне, естественно, не позволили... Сначала по спине шаркнула ладонь, затем последовал и рывок, вытягивающий меня вверх. Вот только на этот раз пальцы Князева неудачно легли на трусы моего весьма скромного купальника. Я дернулась, но было слишком поздно...

Артемом убрал ноги с подставки, согнул колени и усадил меня выше, чем в прошлый раз... И тут в бедро мне уткнулось что-то твердое и нервно подрагивающее.

— Ну и что ты натворила? — снова зашептал он мне на ухо, потому что терять уже все равно было нечего. — А вот теперь сидим тут до талого. И не двигаемся, Кушнир... Дышим, а задницей не елозим!

А я даже ответить не смогла... Кровь ударила в лицо, жар потек по шее, плечам, груди и животу... И я дрогнула от взрыва ощущений, словно кто-то в колокол ударил, и этот звон теперь резонировал по всему телу!

Да я дрожала, как ненормальная, и ничего с собой поделать не могла.

Тело стало тяжёлым, свинцовым. Каждое движение отдавалось тугим спазмом, требующим сжать бедра, чтобы унять тянущее ощущение... ну или насладиться им.

И я дернулась...

— Алена, — выдохнул Артём, уже сильнее прижимаясь губами к моему уху.

Но это было невыносимо... Подобного я ещё никогда не ощущала. Меня словно мотало по волнам, тело жило своей жизнью.

И в этом аду горела не только я... Пальцы Артема все жестче впивались в кожу бедра.

И я физически ощущала это сопротивление. Он словно хватался за возможность остановить то, что уже вышло из-под контроля окончательно.

Эта случайность и бурное стечение обстоятельств упорно срывали вуаль с того, что мы так отчаянно пытались всю эту неделю спрятать.

— Давай, Алена, помоги мне, — снова шепнул Князев. — примени свою сверхспособность смеяться там, где люди рыдают... Отвлеки меня.

— Боюсь, Князев, что сейчас моя сверхспособность лишь усугубит твоё существование, — я обернулась, когда Шишкин, сидящий рядом, потянулся за бутылкой и начал разливать по бокалам. — К тому же... Одно дело — смеяться над тем, чего не видела. Но сегодня...

— Всё, я понял, лучше молчи, — Артём откинул голову на бортик чана, а я засмотрелась. И на красоту шеи, и на разворот плеч, и на смуглую кожу, от которой поднимались завитки пара. — Ты не помогаешь мне, Кушнир, не помогаешь... Ещё минута, и пора будет повторить вчерашнее предложение.

— Вот сейчас оно было бы как никогда кстати, — я осушила бокал теплого шампанского и вдруг расхохоталась, когда отходивший Лужников неожиданно вернулся не один... а с резиновой Зиной.

— Ну нет! Ещё шаг, и я её проткну! — вопила Смирнова. — Все места заняты! Убери свою резиновую Зину!

— А она пусть у меня на коленках посидит, — Шишкин забрал куклу и затянул в чан.

Боже, это было так смешно! Шишкин упорно топил надувную куклу, но она всплывала, то и дело лупя раскоряченными ногами по лицам соседей.

— Извращенец!

— Вообще-то, вы сами мне её подарили! А я джентльмен... Не могу отдыхать, пока моя спутница мерзнет на террасе! — Шишкин и сам захлебывался смехом.

Да мы все умирали, пытаюсь не задохнуться от хохота из-за этой сцены. И даже Артём расслабился и гоготал в голос. И вибрация его смеха чувствовалась особо остро. Кожа к коже.

— Пойдем, девочки, — Кошкина поднялась и ловко вынырнула на бордюр. — В бане погреемся.

— Идем, Алён, пусть тут со своей Зиной развлекаются, — Смирнова буквально силой сорвала меня с колен Артёма и подтолкнула к лестнице, даже не понимая, как же сильно вырвала меня.

— Ну а чего ты обижаешься, — я обняла подругу, и мы поспешили к бане. — Сама же предложила её подарить.

— Но я ж не думала, что мы с ней в одном чане окажемся!

— Ну, новенькая она ещё, чистенькая. Чего раскричалась?

За время, что мы просидели в чане, баня успела поостыть. Не было больше удушливого жара. Остался тяжёлый тёплый парок, ласково прогревающий тело до костей.

А мне так зябко стало, хотя мгновение назад я буквально полыхала в руках Князева. Я придвинулась к печке и слушала, как девчонки напевают песенки.

— Помните Чарову? — завела я разговор, пытаюсь переключиться от навязчивых мыслей.

— Конечно, — закатила глаза Смирнова. — Такое чудо в перьях сложно забыть.

— Она пришла в мою группу поддержки неделю назад. Прикинулась овечкой с короткой памятью, потом спалилась, и пришлось извиняться... А сегодня я застала её подсматривающей за Князевым. Эта гадина снимала на видео, как он моется после тренировки!

— Больная, — охнула Кошкина. — И что?

— Да что-то... Савина такую шумиху подняла, что я думала, сейчас из СК столичного приедут!

Мы с девчонками рассмеялись и, зацепившись за тему, снова погрузились в воспоминания. Через час на улице снова стало шумно, полилась музыка, а уже одетые парни по второму кругу начали разжигать мангал на крытой террасе у дома.

Мы ополоснулись, завернулись в полотенца и зашагали в сторону дома.

— Давайте, быстрее переодевайтесь, сейчас будет мастер-класс по бургерам.

Мы переоделись, высушили волосы и к моменту, когда вернулись, парни как раз снимали ароматные котлеты с гриля.

Вот плохо, когда ты отдыхаешь в кругу людей, которые тебя знают, как облупленную. Круглый стол стоял в окружении мягких полудиванчиков и... все места были заняты, кроме того, где сидел Артём.

Ну, мы не гордые... и не трусливые. К тому же одетые!

— Держи, — он собрал бургер, и даже не ошибся, проигнорировав лук, но добавив двойную порцию сыра.

— Спасибоочки!

Шишкин достал гитару, и девчонки вырубili музыку, потому что мы уже тысячу лет не слышали, как поет наш друг. А там было что послушать... Его тихий, вкрадчивый, но при этом объемный голос пробирался под кожу, даря тепло.

Артём поднял руку, обнял меня, как делал миллион раз, а я распласталась по его груди, чувствуя рваные выдохи в макушку.

Мы просидели до поздней ночи! И чем ближе было время расставаться, тем больше новых и интересных тем находилось. Девчонки уже клевали носами, поэтому парни заботливо начали провожать их по комнатам. А когда мы с Артёмом поднялись, перед нами возник Шишкин.

— Вам, как обычно — люкс на двоих. За кухней дверь направо, — он беззлобно и так спокойно рассмеялся, не надевая слова никаким скрытым смыслом, а затем отвернулся, не успев заметить, как мы с Князовым одновременно переглянулись.

Мы улыбались, провожая друзей на второй этаж, а когда остались одни, то воцарившаяся тишина сгустилась до киселя.

Каждый звук, шорох, каждое движение казались очень громкими.

Мне на миг почудилось, что даже мои самые грязные мыслишки слышит весь дом!

И тогда я совершила самую глупую ошибку в своей жизни... Я обернулась и посмотрела Артёму в г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.